

18+

Анатолий Сергеевич

Болгов

ВОЙНА БОГОВ

ЧАСТЬ 1



Анатолий Болгов

Война богов. Часть 1

«Издательские решения»

Болгов А. С.

Война богов. Часть 1 / А. С. Болгов — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. После моей смерти подождите три дня. Конечно
в мире ничего не изменится. Он по-прежнему будет переполнен любовью
до боли. Если на четвертый ничего не изменится — действуйте по протоколу.

© Болгов А. С.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. День Рыбы	6
Глава 2. Имитатор	22
Глава 3. С ним лучше дружить	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Война богов

Часть 1

Анатолий Сергеевич Болгов

© Анатолий Сергеевич Болгов, 2026

ISBN 978-5-0071-1520-9 (т. 1)

ISBN 978-5-0071-0275-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. День Рыбы

Первый утренний луч солнца коснулся обители Маэля, словно золотая кисть художника, разрисовавшая небеса. Он рассеялся по гладким мраморным стенам, превратив их в сверкающие зеркала света и тени. В центре — полностью выполненная из белоснежного мрамора джакузи, как сверкающий источник живой воды, бурлящий и наполняющий пространство настоящей и ласкающей силой.

В его объятиях расположилась статуя обнажённой, обворожительной леди, укрытой снеговой шалью. Её тело скрыто мягким покрывалом снега, подобно тонкой мантии, что притихла на её головке и прикрыла пикантные изгибы её спины. В руках натурщицы, незримой жажды дар, — кувшин. Под давлением самого утёса из него струится чистейшая ключевая вода, будто невидимый ручей, обнимающий её интимные места, скрытые водой и снегом.

Пролился свет на четыре внушительные стены, из белого мрамора, — как охранники внутреннего мира, — возвысились вверх, скрывая внутри себя продвинутую кухню, где хранится тайный клад масел и пряностей. Архитектурное решение кажется одиноким в этом пространстве, как забытое сокровище, оставленное на милость ветра. И тень, что лежит внизу, — спрятала аккуратную мраморную спиральную лестницу, что извивается к вершине, привлекая своей таинственной обворожительностью, уводя к забытому раю.

Тишину нарушает коварный звук — бурлящая вода в джакузи, как сердце, безмолвно бьётся в груди этого уединённого святилища. В его глубинах — светящийся юноша с длинными светлыми волосами, мягко скрывающими часть лица, и с выразительным, гармоничным профилем. Его черты безупречны: нос и губы вылеплены идеально, а взгляд, придающий ему спокойствие и уверенность, глубок и задумчив. Мужественный подбородок подчёркивает его достоинство и силу духа. Он сидит нагим и, в тишине, тихо бормочет, голосом ребёнка, прерывающегося на ветру.

— Я больше так не буду! Только не книги... Книги, нет!..

Маэль, будто проснувшийся от жуткого сна, быстро открыл глаза. Грაციозным взмахом руки его тело на мгновение засветилось, и парящая туника из сложенных звеньев кольчуги аккуратно опустилась на него. Он осмотрелся вокруг, и из груди вырвался голос, похожий на раскат грома:

— Прекрасное утро!

Мрамор завибрировал. Маэль чуть улыбнулся, но тут же осёкся.

— Нужно ещё тише... — добавил он, расставшись со своей улыбкой. — Итак! В первую очередь нужно подкрепиться. Попробую приготовить рыбу.

Очень легко и быстро, он взмывает в воздух и мягко опускается чуть припорошенную снегом уютную кухню, где зеркальное отражение стен освещает каждый угол.

— Кажется сюда я положил самую лучшую рыбку. — прошептал Маэль, глядя на свой ящик. Его глаза горели решимостью, и он осторожно взялся за ручку.

Он чуть выдвинул ящик, и внезапно разнесся страшный запах — отвратительный, зловонный смрад, будто издавна заброшенные глубины воскресли. В мгновение ока его нос закрыло удушье, и он отшатнулся, запихивая ящик обратно на место.

— Я опять что-то упустил...

Он стоял в тени, сердце колотилось в груди. Подумав мгновение, он сказал: — Нужно сжечь.

Закрыв глаза, он сосредоточился, в то время как его тело начинает мерцать, словно поверхность воды, отражающая солнечный свет. Дыхание стихло. В небольшой щели, где раньше лежала рыба, вдруг вспыхнуло мощное пламя — высокий, яркий вихрь огня, превращающий всё в пепел. И тут же оно затухло, оставив после себя только дым и запах гари.

Маэль медленно открыл глаза, выдвинул ящик. И в воздух поднялся огромный коп дыма. Взглянув внутрь, он обнаружил на его стенках только жалкие остатки сажи.

Маэль взмыл в небеса. Пролетая над дремучим лесом, он начал придаваться воспоминаниям.

— Я помню эти места. Именно здесь мы обнаружили медвежат... — сказал он, голос был ровным, но в нём проскользнула лёгкая теплая нота. Его брови медленно поднялись, словно вспоминая важные детали. — Они были маленькими, пугливыми существами, с неуклюжими движениями и огромным любопытством в глазах.

Он поднял правую руку и плавно провёл пальцами в воздухе, будто показывая невидимое присутствие медвежат рядом.

— Дрессировка была трудной и долгой. Нужно было не просто научить их слушаться команд, — сказал он, губы растянулись в лёгкую улыбку, глаза заволновались отражением воспоминаний, — А воспитать в них дисциплину и взаимопонимание. Медвежата сначала боялись звуков и жестов, но со временем начинали доверять.

Маэль приподнял брови и слегка наклонил голову набок, его взгляд потеплел.

— Я начинал с простого: подзывать медвежат, поощрять за каждое правильное движение. Запоминал их реакции, внимательно следил за каждым нюансом — движение ушей, трепет усов, напряжение мышц.

Он медленно провёл пальцами по подбородку, лицевая мускулатура расслабилась, отражая концентрацию на деталях.

— Постепенно медвежата научились выполнять сложные команды. Они понимали, что от этих уроков зависит их выживание.

Губы Маэля сжались, внутренняя гордость слегка отразилась в его взгляде. Он посмотрел вдаль и глубоко вздохнул.

— Эти уроки — фундамент нашей крепкой цивилизации. Медвежата стали не просто животными, а защитниками, спутниками. Благодаря им мы выжили в самых трудных условиях.

Маэль повернул голову направо, глаза скупно блестели, но рот оставался спокойным.

— На заре организации нового общества — черты лица его стали гораздо мягче, — я лично принимал участие в ловле медвежат, — сказал он, изображая на лице всю важность своих слов. Он сделал паузу. — К тому времени новая цивилизация достигла больших успехов в изготовлении светящихся металлов, — продолжил он, голос стал спокойным, с лёгкой гордостью. — Они были сверхпрочные, но в то же время слишком тяжёлые. Ох-хо. Они даже прозвали своих воинов «серебряные рыцари».

Он улыбнулся, словно произнося пустяк, не придавая ему особого значения.

— Серебряные рыцари — вот умора, — тихо добавил он.

Затем вновь сделал важный вид и провёл рукой в воздухе, как будто рисуя невидимую картину.

— И вот всё дело в дрессировщике, — сказал он серьёзно. — Медвежонок, одетый в кольчугу, вместе со своим дрессировщиком, облаченным в литой светящийся доспех, и остальным отрядом в светящихся доспехах патрулируют улицы города.

Он слегка наклонил голову и устремил взгляд вдаль.

— Спустя время, когда он подрастёт на этого медведя надевают литой светящийся доспех и он действует самостоятельно, как полноценный воин отряда серебряных рыцарей.

Его глаза блестели от внутренней уверенности, голос оставался ровным и спокойным.

— Я подумываю предложить им дрессировать воронов. Это удивительная птица, которая умеет говорить и думать. Не малых подвигов можно добиться если научить эту птицу сражаться... — поправил он голос и наклонил голову немного вперед, взгляд стал внимательнее, — это совсем новая идея, с которой я хотел бы поделиться на своем ежегодном визите, но прежде её следует хорошенько обдумать.

Маэль парил в воздухе над краем крутого утёса и смотрел вниз — там, в глубокой лазурной чаше, падал водопад. Белоснежными каскадами стремительные потоки воды с шумом обрушивались в реку, где в прозрачных холодных водах начиналось удивительное явление — лосось поднимался на нерест. Плотные тушки рыб переливались розово-оранжевыми отблесками, пытаясь прорваться против мощного течения к своим истокам.

Свежий воздух наполнял лёгкие, пронизывающий ветер сильными порывами играл с его туникой, создавая характерный металлический звон. Солнечные лучи дробились на миллионы брызг и превращали водяную пыль в сверкающее море света.

Маэль медленно протянул руку к реке. Сосредоточившись, его тело начало чуть ярче светиться. Вода рядом с ним поднялась в невесомости, образовав прозрачный округлый аквариум — плавающий пузырь, наполненный речной водой. Внутри него плавала рыба длиной

от кончиков пальцев до плеча с ярким, насыщенным «брачным» нарядом — красными и чёрными пятнами, которые переливались на фоне серебристой чешуи. Рыбка плавно изгибалась, затем медленно приоткрыла вытянутую пасть, обнажая острые зубы. Плавники ритмично размахивались, помогая ей уверенно держаться на месте в воде.

— Привет, — произнёс он с мягкой улыбкой. — Я — Маэль.

Рыба начала тревожно извиваться в новом окружении, пытаясь вырваться, но он невозмутимо произнёс:

— Успокойся, я не причиню тебе вреда.

Рыба замерла, перестала сопротивляться.

— Я помогу тебе добраться до вершины водопада.

Маэль поднял руку, и водяной пузырь с рыбкой медленно устремился ввысь. Он поднимался всё выше.

На вершине водопада пузырь просто упал в воду, освободив рыбу.

Маэль вновь засветившись взмахнул рукой, и вскоре в пузыре с водой появилась вторая рыба, чуть мельче первой, но не менее стремительная.

— Привет, — мягко сказал он, — меня зовут Маэль. Не бойся.

Рыба сначала забеспокоилась, извиваясь в пузыре, но, услышав спокойный голос Маэля, постепенно перестала сопротивляться.

— Хорошо, — коротко ответил Маэль. — Я помогу тебе и подниму на самую вершину водопада.

Пузырь с рыбкой медленно поднялся в воздух, унося её высоко над каскадом. На вершине водопада пузырь рассеялся — вторая рыбка свободно нырнула в воду, устремившись к своей цели.

На его лице можно было прочесть лёгкую грусть. Спустя мгновение Маэль поймал третью рыбку, длиной не больше расстояния от кончиков пальцев до локтя.

— Привет, меня зовут Маэль. Не бойся.

Рыбка застыла на месте, и лишь едва ощутимые взмахи плавников тихо выдавали её присутствие. Луч света, проникший в пузырёк, играл оттенками на её чешуе, создавая мерцание, будто миниатюрное зеркало. Её чёрные, как бусинки, глаза пристально смотрели на Маэля.

— Я не могу просто так рассказать тебе, кто я такой. Я тороплюсь! Мне нужно поймать рыбку, чтобы научиться управлять своей силой и подкрепиться. — Маэль мягко окинул взглядом водопад и спустя мгновения продолжил: — Ты действительно хочешь, чтобы я рассказал тебе свою историю в обмен на твою жизнь? — он сделал паузу. — Ты правда этого хочешь?

Чуть погода улыбка засверкала на его устах, и он сказал:

— Тогда держись!

Маэль стремительно взмыл в воздух, словно подхваченный невидимой силой. В его глазах горела искра решимости, а перед его руками уверенно плыл в воздухе парящий шар с рыбкой.

Под ногами исчезло всё знакомое — деревья, холмы, небо стало глубоким и безграничным. Их тела растворились в облаках.

Маэль резко усилил ускорение, и воздух вокруг них всколыхнулся, превратившись в вихрь. Они вырвались из облаков и их взоры устремились вниз. Внезапно они оказались перед потрясающим видом, где Земля предстала не просто как планета, а как огромный, живой мир, пульсирующий своей непредсказуемой красотой. Над ними возвышалось гигантское, почти невообразимо огромное тело. Луна, массивная и сверкающая серебром, заслонила собой солнце, прячась в своём таинственном, холодном покрове. В ярком отражении лунного света они были освещены мягким, серебристым сиянием.

Вокруг, в бескрайнем просторе, рассыпалось непомерное количество звёзд.

Рыбка игриво закружила в своей сфере, рассматривая всё вокруг. Она плавно поворачивалась, шурилась, делала лёгкие повороты, и вдруг — взгляд её переключился на невероятно огромную сияющую Луну.

Маэль медленно опустил скорость, посмотрел прямо в глаза рыбе и продолжил свой рассказ голосом, обладающим огромной разрушительной силой, но из-за малого количества частиц воздуха — не причиняющим вреда.

— Будучи обычным мальчиком, мои родители продали меня за мешок драгоценных камней богине для осуществления её желаний.

Тем временем вниманием рыбки завладели сверкающие звёзды.

Он слегка наклонил голову, словно вспоминая что-то далёкое и чужое.

— Прежде богиня и Гор меня с грехом пополам обучили читать — думаю, стоит заметить, что Гор приложил гораздо больше усилий, — а затем отправили в другое измерение, где было бесчисленное количество книг. Со слов богини — если сможешь оттуда выбраться, значит, ты готов, а если нет, то так там и помрёшь.

А рыбка в этот момент переключила своё внимание на тёплый, сверкающий океан, раскидывающийся бескрайней голубой ширью. Его поверхность мерцает под солнечными лучами, словно сотни тысяч отражений подобно гигантскому зеркалу, которое прячется в глубинах.

Глаза Маэля на мгновение зажглись ярче, и он резко вздохнул, будто пытаясь прогнать тяжёлые воспоминания.

— Длительность, проведённая в библиотеке иного измерения, отличается от привычного хода времени, — начал он тихо, переводя взгляд куда-то в сторону. — Даже представить не могу, сколько сотен лет мне понадобилось, чтобы выбраться оттуда.

Он замолчал. Рыбка в сфере замерла, будто ожидая продолжения. Маэль долго смотрел на неё, но взгляд его был где-то далеко — за пределами этого мира, за пределами этого времени.

— А когда мне наконец удалось выбраться, я первым же делом решил навестить свою семью.

Он горько усмехнулся и покачал головой.

— Они меня не приняли. Семилетнего сына отдали — через год вернулся взрослый мужчина, переполненный энергией, и заявляет, что он их сын. Правда, на их месте я бы тоже не поверил.

Рыбка дёрнула плавником, внимательно слушая.

Он сделал паузу, словно стараясь прочувствовать прошлое.

— Прежде чем обрести свободу, необходимо было заполучить неисчерпаемую силу.

Рыбка чуть наклонилась вперёд, не сводя глаз.

Вздохнув, он продолжил:

— В книгах подробно описаны создание и принципы работы вечных двигателей. Создав пару таких, я начал придумывать собственные — хотя никто и не запрещает штамповать их бесконечно, не обращая внимания на однообразие.

Рыбка внимательно посмотрела вверх, словно переваривая каждое слово.

Маэль улыбнулся с лёгкой иронией, взгляд заиграл в глубине глаз:

— Сейчас у меня семнадцать таких устройств, и пока я не ощущаю нехватки сил — в некоторых случаях даже уверен, что этих ресурсов более чем достаточно.

Рыбка тихо всплеснула плавником, и глаза её блеснули интересом.

Он неспешно взмахнул рукой:

— Из-за огромной плотности энергии, скрывающейся среди частиц, некоторые свойства моего организма кардинально изменились. Теперь я могу уверенно ступать только по твёрдой породе, а на всех остальных поверхностях вязну, словно в песках.

Рыбка наклонила голову, словно пытаясь понять. Он нахмурился и чуть склонил голову:

— Стоит мне расслабиться — и тело раскаляется, подобно солнцу, излучая испепеляющую радиацию.

Рыбка словно отпрянула назад, глаза расширились от неожиданности.

Потом сказал мягче:

— Когда ложусь на вершине горы, сильные ветры и лёд помогают понизить температуру тела, поэтому моя спальня напоминает природный источник. По обыкновению я просыпаюсь уже в бурлящем кипятке.

Тем временем рыбку привлекло поблёскивание ледников и снежных шапок, которые, словно сверкающий белоснежный ковёр, растянулись на огромных просторах. На горизонте виднелись вершины, покрытые льдом, сияющие и искрящиеся под мягким солнцем, будто величественные кристаллы. Зеленовато-голубое сияние ледяных шапок, мягко контрастируя с тёмной, земляной глубиной, создавали волшебную и холодную атмосферу, окутывающую весь полярный край.

Взгляд его стал тише, глаза немного расширились, будто в них вспыхнул страх.

— Но взаперти, об этом мире я смог многое узнать. Хоть за это мне пришлось заплатить своим рассудком.

В это время рыбка увлечённо рассматривала произведение искусства из тонких узоров проплывающих облаков, живых, обращающихся в вихри.

Маэль вздохнул и больно сжался плечами, будто ноша стала тяжелее.

— Я боюсь брать в руки книги, но если возьму, то обязательно прочту до конца.

А рыбка увлеклась особой гармонией природы, наполняющим окружающий мир тёплой красотой и умиротворением — северным сиянием, нежным мерцанием на горизонте, пульсирующим в зелёных, розовых и фиолетовых тонах, словно движущиеся волны света.

У него началось лёгкое нервное покачивание головы.

— Моей фобии нет предела. Я тщетно пытаюсь с ней бороться, никогда не упускаю возможность ознакомиться с книгами, которые встретятся мне на пути.

И вдруг завораживающий вид падающей звезды привлёк внимание рыбки. Огненная вспышка пурпурной и золотой энергии рассеялась по небу, прорезая бархат ночи. За собой она оставила длинный, мерцающий след, словно след огненного пёрышка в бескрайней тёмной ткани неба.

Маэль слегка вздохнул, зажмурил глаза, внутренне борясь с тревогой.

— Глупые бредни и фантастика усиливают этот страх. Время, проведённое за чтением этой бездарной литературы, не вернуть никогда.

Тем временем захватывающий вид Млечного Пути привлёк внимание рыбки. Величественная галактическая река протягивалась мягкой и тёплой линией через ночное небо. Её яркий, густой пояс переливался всеми цветами — от ярко-белого и голубого до тёплых оранжевых и глубоких фиолетовых оттенков, словно молочный поток, сотканный из звёзд.

Он пожимает плечами, и его лицо выражает растерянность и грусть.

— В такие моменты ужас становится особенно сильнее. От нервов я начинаю терять контроль и светиться, а это, в свою очередь, несёт гибель всему живому. Только хорошо сконцентрировавшись, я могу обуздать своё свечение и перестать испепелять жизнь.

Рыбка стояла, обернувшись правым боком к Маэлю. Словно затаив дыхание, её плавники едва заметно колыхались, а всё тело сохраняло полную неподвижность.

Маэль в глубокой задумчивости, брови чуть приподняты, взгляд сосредоточен.

— Вселенная, в которой обитают живые существа — это парадокс, — сделав паузу, немного наклонившись вперёд, продолжил: — Самый смешной и очень грустный.

Он поглаживал тонкие светящиеся губы указательным пальцем.

— Четыре сущности в небытии затеяли спор — кто из них единственный бог, а другие ложь.

Сделал паузу. Голос его стал твёрже, в глазах появилась искра понимания.

— Сущность, которая утверждала, что нет ничего важнее разума, повелевала сознанием в пустоте вечности.

Он сделал небольшой жест, иллюстрируя сказанное.

— Другая сущность говорила: нет смысла в разуме, если нет эмоций. Она воплощала все пять чувств восприятия: осязание, обоняние, слух, зрение и вкус.

Он слегка наклонил голову, словно попытался переосмыслить услышанное.

— Третья утверждала, что без материальной составляющей всё это — лишь каша, способная глумиться над высшей формой материи — реальностью.

Он сделал паузу.

— Четвёртая сущность свято верила: только жизнь имеет значение. Она доказала хрупкость бытия. Неразрушимая материя не способна к движению — становится пленником вечности. Только создав разрушимые вещества, они обретают движения, устремлённые к гибели.

Рыбка повернулась вправо, оставаясь в полном покое.

Он будто внимал внутреннему голосу.

— Споры из диалогов и доказательств уже давно подошли к концу, и вечность раздирала противостояние четырёх сущностей.

Маэль засветился. На стенках сферы появился пузырёк воздуха — крохотный и едва заметный. За ним лениво и неохотно появился ещё один. Не спеша ещё один. Постепенно и хаотично крохотные пузырьки равномерно покрывали стенки, образуя тонкую сеть, словно боясь нарушить хрупкое равновесие воды. Рыбка внимательно слушала Маэля и совершенно не придавала им никакого значения.

Он медленно разворачивается в другую сторону.

— Это было страшное время, которое не сможет осознать ни одно живое создание. Материя разлеталась в пыль, то в испепеляющее пламя, то в остывающие частицы холода.

Пузырьков в водной сфере становится больше, и они закружились в яростном танце, взмывая вверх, вращаясь и вспыхивая в водной пучине.

Он жестом подчёркивает хаос и разрушение.

— Сущность разума управляла другими, постоянно создавая ложные воспоминания и мысли.

Медленно двигаясь, рыбка начала неспешно скользить внутри сферы.

Глаза Маэля чуть сморщены, кажется, он внимает внутреннему голосу.

— Чувства были обмануты, боль смешана с зависимостью — любовью.

Рыбка увеличила темп и всё быстрее начала огибать сферу.

Он покачивается, как бы ощущая эту боль внутри себя.

— Некоторые только причиняли себе вред, ощущая тепло любви.

Внутри ловушки рыбка, словно разгораясь в борьбе, вращалась с бешеной скоростью, оставляя яркий след своих яростных движений.

На его лице можно было разглядеть лёгкое сжатие губ, словно пытается подавить эмоции.

— Замирающие и неподвижные сущности наскучили воплощению тленности бытия. Он время от времени баловал себя их обществом, вновь разжигая войну.

Вдруг раздался громогласный всплеск, и Маэль, обратив взор, с надломленной тоской прошептал:

— Прости меня, пожалуйста!

После слов Маэля рыбка остановилась, и на её теле было множество алых пятен.

— Что-то я расчувствовался. Сейчас я тебя подлатаю.

Маэль поднял обе руки над сферой. Закрыв глаза, он задержался на мгновение, и его тело засветилось. Рыбка окуталась тусклым голубым сиянием, которое мягко мерцало в воздухе. Когда он убрал руки, свет не исчез — он продолжал нежно пульсировать вокруг рыбки.

Он сделал долгую паузу, словно пытаясь найти конец своей мысли. Затем слегка наклонил голову, взгляд стал отрешённым и задумчивым.

— На чём я остановился? — тихо произнёс он. — Ах, да... Однажды сущности решили создать человека, который определит единственного бога.

Рыбка замерла. Её тело окутало бледное голубое сияние. Когда свет постепенно стих, все ожоги словно подсветились изнутри. Под его нежным влиянием они медленно уменьшались. Затем новая волна сияния охватила рыбку вновь, продолжая процесс исцеления. Постепенно каждое пятно сжималось и бледнело под этим мягким светом. И первым исчез ожог, расположенный на спине чуть ниже затылка.

Он глубоко вздыхает, взгляд становится серьёзным и мечтательным.

— Представляю, какое тяжкое бремя постигло это создание.

Рыбка по-прежнему стояла неподвижно, окутанная мягким сиянием. Новая волна света вновь пронзила её тело, и под этим воздействием границы второго ожога, расположенного чуть ниже первого, начали расплываться. Он медленно исчезал, словно растворяясь в воздухе, и вскоре на его месте не осталось ни малейшего следа.

Он чуть наклоняет голову, словно испытывая сочувствие или сострадание.

— Эгоистичные, алчные сущности бесконечно пытали его.

Рыбка продолжала стоять неподвижно, окутанная нежным светом. Под воздействием следующей волны сияния третий ожог, располагавшийся чуть ниже второго, начал медленно бледнеть. Его очертания расплывались, будто растворяясь в прозрачной воде, постепенно сходя на нет. Скоро от него не осталось и следа — кожа снова стала ровной и чистой, без малейших повреждений.

Глаза его сужаются, внутренне проявляя гнев.

— Их уста постоянно изливали ложь, приправленную правдой.

Не меняя положения, неподвижно стояла рыбка, охваченная мягким светом. Новая волна сияния омыла её тело, четвёртый ожог, расположенный чуть ниже предыдущих, стал медленно бледнеть. Очертания стирались, исчезая без остатка. На месте повреждения не осталось ни признака боли.

Маэль делает лёгкое движение руками, словно отбрасывает чуждую ложь.

— А самое невыносимое было слышать вопрос, который никогда не смолкал — «КТО БОГ?».

Маэль засветился. На стенках сферы, удерживающих огромное количество воды, вновь возникла тонкая сеть из мельчайших едва заметных пузырьков воздуха. Тело рыбки всё ещё было окутано голубым лечащим сиянием. Вымученно и нехотя, она снова начала кружиться внутри шара пресной воды.

Он зажмуривается, словно пытаясь подавить это постоянное напряжение.

— Он его слышал, пока одна из сущностей что-то говорит, он слышал даже когда спал, когда ел, справлял нужду, и никогда не прерывался.

Свечение Маэля прекратилось и пузырьки растворились. Рыбка, окутанная голубым лечащим сиянием, плавно кружится в прозрачной сфере. На её теле появились ещё два ярких алых пятна.

Он глубоко вздыхает. Его глаза широко раскрыты — смесь усталости и тихой безысходности таится там, словно в бездонной пропасти.

— Я бы давно сошёл с ума, — говорит он, с горечью, — но только не этот человек.

Лёгкий поток мерцает в сфере, играя с плавниками рыбки. Одно из красных пятен постепенно блекнет, исчезая, но она по-прежнему быстро скользит по кругу.

— Под предлогом именовать истинного Бога он предложил создать то, что навеки закроет дверь сомнениям и позволит объявить себя единственным.

Рыбка замедляется, её движения становятся более плавными, словно прислушиваясь к словам маэстро. Пятно сначала дрогнуло, затем тоже растворилось в голубом свете.

— Совместными усилиями было создано ещё одно существо — женщина.

Рыбка поворачивается другим боком.

— Они подарили людям дар творения новой жизни — теперь она могла рождаться без вмешательства извне.

Через мгновение рыбка останавливается в центре сферы. Её тело светится нежным голубым сиянием, без малейших следов былых пятен.

Он смотрит вдаль, глаза полны задумчивости и тепла.

— Первые её слова пронзили абсолютную тишину, царившую с момента появления сущностей.

Рыбка поворачивается к нему боком, будто вслушиваясь в каждое его слово.

— Вся Вселенная услышала её вопрос: «Кто эти невероятные создания, парящие в небе?»

Рыбка слегка наклоняется, словно отражая эмоцию.

— Мужчина ответил строго и уверенно: «Там никого нет! Просто тебе кажется».

Рыбка начинает нервно мотать головой, как бы споря с этим ответом.

— Но она поверила — поверила, что всё это лишь игра воображения. Иллюзия.

Её плавники судорожно сжимаются, рыбка будто теряется в себе.

— Он взял её за руку, и они ушли, оставив удивлённые сущности в безмолвии.

Рыбка падает на бок и некоторое время дрожит, теряя прежний блеск.

— С тех пор она перестала видеть их и слышать.

Он делает глубокий вдох, внутренне погружаясь в свои воспоминания.

— Узурпаторы бытия испытали безмерную ярость.

Внезапно в сфере вскипает вода, голубое свечение непрерывно пульсирует. Рыбка вновь закружилась в бешеном танце.

Маэль тяжело вздыхает, на лице читается гнев, смешанный с отчаянием.

— Убить человека было слишком просто.

Свет сияния усиливается. Вода вздрагивает и закипает — рыбка теряется в бурлящем потоке.

Он сжимает руки, сдерживая бушующую внутри ярость.

— Они жаждали мести.

Вода всё ещё бурлит, рыбка скрыта в мутной пелене.

Он молитвенно поднимает глаза, и в них мелькает хитрость и хмурое предупреждение.

— Решили создать инквизиторов — достаточно слабых, чтобы не стать угрозой создателям, но безжалостных и жестоких палачей человеческих душ.

Маэль перестал светиться. Сфера вздулась без воды и внутри показалась красная рыбка, без голубого лечащего сияния. Она лежала на боку и билась в конвульсиях, а затем замерла.

Он машинально сжимает кулаки.

— Результатом их совместных усилий стало шесть полубогов.

Красная рыбка лежит на боку, дёрнулась ещё раз — последний робкий изгиб перед вечным молчанием и неподвижностью.

Он задумчиво смотрит вдаль, глаза чуть запылены.

— Половина силы одной сущности, сплетённая с половиной силы другой. Только три из них обладали сознанием. Те, кто не могли пошевелиться или не имели сознания, блуждали от животного к животному, от камня к камню, в безостановочных поисках себя. Среди только что созданных полубогов был тот, кто посчитал всю эту затею бессмысленной. Он наблюдал, как этот мир создавался и разрушался бесконечно, и ничто уже не могло его изменить.

Рыбка неподвижно лежит на боку, кажется, что жизнь покинула её безвозвратно.

Его рука слегка покачивается.

— Этот полубог убедил за собой других полубогов, что единственным выходом из сложившихся условий может стать дерзкое и наглое неповиновение — то же, что совершил человек. Все полубоги единогласно отказались подчиниться сущностям.

Рыбка остаётся неподвижной, тишина кажется почти осязаемой.

Он глубоко вздыхает, глаза закрываются на мгновение — в них мелькает искра любопытства.

— Сущности не оставили такой поступок без внимания. В этот раз они решили выяснить, кто истинный Бог, спором. Каждая сущность создаст новую расу, которая, без вмешательства посторонних, захватит мир. Так определится имя истинного создателя — но в этот раз мир погрузится в пучину бедствий и отчаяния.

Маэль вновь начинает светиться.

Рыбка по-прежнему лежит на боку, неподвижная... Но теперь кончики плавников едва заметно дрожат, словно начинает пробуждаться слабый огонь.

Он слегка наклоняет голову, словно обдумывая следующий ход, рука непроизвольно сжимается в кулак.

— Все прочитанные мной книги сходятся в одном: когда одна из сущностей восторжествует — приходит конец миру. И история начинается вновь...

Маэль светится всё ярче. Рыбка неподвижна, но плавники начинают темнеть, тьма медленно поднимается от краёв.

Он трёт большим пальцем указательный, будто пытаясь постичь скрытый смысл.

— Тайна пустоты вечности известна мне лишь по одной книге. Владелец этой книги — Демиург — изучил всю библиотеку в ином измерении и написал множество томов, находясь взаперти.

Маэль всё ещё светится, рыба неподвижна, но чернота расплзается по её телу, плавники почернели, распространяется мрак.

Его глаза сужаются, взгляд становится сосредоточенным.

— Для разгадки этой тайны он воспользовался безграничным потенциалом Архитекторов, с помощью которых библиотеку пополнили сотнями новых книг.

Маэль продолжает светиться, рыбка неподвижна, но теперь уже пятна почернения пронзают половину тела.

Он медленно наклоняет голову.

— Но даже он мог только ощущать произошедшее — изменить уже было невозможно, — сказал он, слегка наклоняясь вперёд.

— Я бы хотел глубже погрузиться в сознание сущностей. Злые существа, которые считают, будто все обязаны кланяться им, благодарить за создание мира, — его голос стал чуть тише.

— Чем больше я стараюсь изучить это время, тем больше возникает вопросов. Вот, к примеру: откуда взялся властитель Потрошителей и почему он такой сильный?

Маэль перестаёт светиться. Он пожимает плечами в жесте профессионального интереса. Затем взгляд падает на рыбку — сухую и зажаренную до хрустящей корочки. Он досадно произнёс:

— Опять я что-то упустил...

Маэль протянул руки, и над их ладонями разорвался пузырь. Он лопнул! Рыбка аккуратно опустилась, словно тонкое украшение, на его ладони. Брызги, вызванные взрывом пузыря, попали ему на лицо, зашипели, мгновенно превратившись в пар, который медленно рассеялся в воздухе.

— Прости меня, дорогой друг, — прошептал Маэль, — и в этот раз я не смог обуздать свои эмоции.

Потом всё вокруг словно замерло. Он отключился от мира и, не раздумывая, стремительно пикировал вниз. Рыбка, надёжно прижатая к груди, оставалась с ним. Его тело светилось ярче солнечного света. Из глаз катились слёзы, превращаясь в пар и растворяясь в воздухе. Казалось, свет никогда не угаснет, но в какой-то момент он исчез. Маэль замер в воздухе, возвышаясь над вершиной своей горы. Затем мягко опустился между гигантских каменных плит, не касаясь пола...

Он слегка засветился и аккуратно отпустил рыбку. Та осталась парить в воздухе, мягко покачиваясь. Маэль снова засиял, и, под пристальным взглядом, обгоревшая чешуя сама начала отрываться и сгорать.

Вспыхнул свет. Маэль осторожно распахнул брюхо рыбки. Потроха分离лись и мгновенно сгорели в ярком пламени. В этот момент перед ним возникли отполированные до зеркального блеска серебряный поднос и куполообразная крышка — полусфера. Крышка медленно приподнялась, и рыбка аккуратно опустилась на поднос. Затем крышка плавно накрыла её, а поднос тихо опустился на стол.

— Мне нужны оливки, лимон, чеснок, укроп, — произнёс Маэль, вытягивая ящик с многочисленными кувшинами. Взмахнув рукой, он ловко поднял их в воздух. Из каждого кувшина взлетели семена, которые аккуратно устремились к нему.

Он протянул обе ладони. Семена парили, не касаясь рук. Сконцентрированный, Маэль взмыл высоко в небо. Яркий свет окутал семена. Закрыв глаза, он сильно засветился. Когда открыл их, в полостях его глаз вместо привычных голубых были яркие вспышки света. Глаза сияли ещё ярче.

— Мне нужен плод! — настойчиво, но спокойно сказал он. — Нет, мне не нужно дерево... Только плод...

— Воды?

— Вода будет тебе!

— Что? — А! Минералы!

— Минералы тоже будут.

Вокруг Маэля закрутилось торнадо. Свет в его руках начал сжиматься, превращаясь в формы, похожие на оливки, лимон, чеснок и укроп. Их цвет переливался всем спектром радуги, пока не принял облик настоящих плодов.

Торнадо утих. Маэль, не спуская взгляда с парящих объектов, опустился обратно на свою кухню. Кратковременно озарившись светом, не обращая внимания, к нему в руку прилетела глубокая отполированная до зеркального блеска серебряная миска. Щелчком пальцев и мерцанием света в миску из оливок вырвался сок. То же он проделал с остальными ингредиентами.

Потом взял соль и молотый перец. В миске тщательно смешал оливковый сок, цедру лимона, измельчённый чеснок, соль и перец.

Взмахнув пальцем, Маэль сделал несколько тонких надрезов. Пряная смесь взмыла вверх и ровным слоем укрыла всю поверхность рыбы. Проведя рукой над её телом, он увидел, как рыба моментально запеклась, распространяя повсюду аппетитный аромат.

— Пора подкрепиться! Спасибо, мой друг, за трапезу, — сказал Маэль, бросил опечаленный взгляд и приступил к трапезе.

После еды кости и прочее воспарили и сгорели в ярком пламени. Яркой вспышкой света он очистил посуду и отправил в шкаф. Сделав глубокий вдох, он взмыл в небеса.

— —

Маэль опустился на поляну. Его уже ждали. Молодой олень с перебитой ногой лежал на траве. Рядом сидела лисица с воспалённым глазом. Чуть поодаль, под деревом, сжался в комок волк — он дышал тяжело и хрипло.

— Сейчас, сейчас, — прошептал Маэль, опускаясь на колени рядом с оленем. — Потерпи.

Его ладони засветились мягким голубым светом. Он провёл рукой над сломанной ногой, и кость начала срастаться. Олень дёрнулся, но не убежал — по всей видимости, он ждал это прикосновение.

— Вот так. Уже лучше.

Он перешёл к лисице. Та заскулила, когда он приблизил пальцы к её глазу. Свет окутал воспалённое веко, и отёк начал спадать.

— Ты опять охотилась на ежа? — спросил Маэль с укоризной. — Я же говорил — не трогай их. Они колются.

Лисица фыркнула и отбежала, даже не поблагодарив. Маэль улыбнулся ей вслед.

Волк уже не хрипел. Маэль положил руку ему на грудь и прислушался.

— Лёгкие. Опять дым от костров. Я говорил твоей стае — уходите дальше в лес. Там воздух чище.

Волк поднял голову, и Маэль одарил его своей ласковой улыбкой.

— Ладно. Беги.

Солнце уже клонилось к закату, когда Маэль закончил с последним зверем — медвежонком, который застрял в расщелине. Он взмыл в воздух и приземлился обратно на землю.

— К маме. Быстро.

Медвежонок заревел и потрусил в сторону берлоги.

Маэль выпрямился и посмотрел на закат.

Он взмыл в воздух и полетел к своей горе. Там, в джакузи, он сладко уснул.

Глава 2. Имитатор

Среди вздымающихся исполинов, по чьим жилам пролежала пульсирующая волна бледного свечения, стояли уличные газовые фонари. Их тусклое, сиплое голубое сияние с трудом пробивалось сквозь предрассветную мглу.

В верхних покоях, куда не долетал уличный шум, в камине щёлкнуло прогоревшее полено. Пламя вздрогнуло, выбросив короткую оранжевую вспышку. На диване, свернувшись серым мохнатым комком, лежал Кот. Простыня сбилась в складки.

За портьерой слышались шаги — быстрые, точёные. Молодой парень вошёл, прижимая к груди свёрток белоснежной простыни. Замер у входа, приподняв голову. Тёплый, густой воздух камина обволок его. Лёгкая струя сквозняка от окна коснулась щеки и висков, смешавшись с теплом. Пальцы на свободной руке начали быстро, методично загибаться, а губы беззвучно шевелились.

Сбоку на него упал ровный, холодный голубой свет, а спереди — тёплый, живой оранжевый, от камина. Его взгляд скользнул по лампе, по камину, по строгому креслу и дивану. В зеркале сверкнула вспышка.

Он положил свёрток под столик, расправил плечи.

— Доброе утро!

Кот приоткрыл один глаз.

— У кого-то хорошее настроение? — голос его был низким, с хрипотцой после сна. — Доброе утро, Джек.

— А как тут не радоваться? Осталось всего четыре дня.

Кот тяжело вздохнул, прикрывая глаз обратно.

— Ты же знаешь, как я к этому отношусь. Маэль — это не решение всех проблем. Если он прибудет, проблем может стать ещё больше.

Джек замер. Улыбка чуть померкла.

— Но... он же Маэль. Пока он с нами, я чувствую себя в безопасности.

— Безопасность. — Кот повторил это слово так, будто пробовал его на вкус. — А есть ещё какие-нибудь свежие новости?

Джек сложил руки за спиной и вытянулся.

— Если мне не изменяет память, последние новости были: князь Адракс пока бездействует, в лесах бандиты, на море — пираты, а Жнецы по-прежнему стоят на месте.

Кот кивнул.

— Пока без изменений.

Чудовищная грудa сваявшейся шерсти медленно поднялась, опираясь на передние лапы, и начала умываться — долго, тщательно, не глядя на Джека.

— К нам уже кто-то пришёл?

— Трое просителей, а также молодая пара — Мари с супругом Алексом.

— А на завтра?

Джек выпрямился, пальцы привычно зашевелились у пояса.

— Геворг. Слесарь с водохранилища. Говорит, не верит людям. После смерти родителей перестал доверять кому-либо.

— Ещё кто?

— Лайлал. Говорит, убил брата. Хочет, чтобы ему подтвердили приговор.

Кот замер, не донеся лапу до морды.

— Чтобы я подтвердил приговор?

— Да. Сказал, что такие, как он, не должны жить.

Кончик хвоста качнулся влево. Вправо.

Кот закончил умываться, опоясался набедренной повязкой, сбросил с дивана простыню, сложил, убрал под стол. Одним движением накрыл кресло свежей, а затем потёр переносицу лапой.

— У тебя, наверное, записей уже на месяцы вперёд.

— Кстати, ваш метод лечения слишком эффективен — настолько, что не требует повторных сеансов.

— Ты мне льстишь!

— Ужасно, что это прозвучало как комплимент, — подняв обе брови, произнёс Джек.

С довольной ухмылкой, словно уже полностью игнорируя растерявшееся выражение лица Джека, он произнёс:

— Лайлал... — улыбка Кота стала ещё загадочнее. — У меня есть одна идея на этот счёт. Нужно будет купить клубки нитей на рынке. Много клубков.

Кот потёр переносицу лапой, устало, но без раздражения.

— А кто на сегодня?

Джек выпрямился, пальцы привычно потянулись к невидимым костяшкам.

— После обеда семейный сеанс. Дерек со своим сыном Деном. Трудности воспитания.

Кот молчал, его хвост едва заметно качнулся.

— Хорошо. Давай, как всегда. Сначала просители. Потом пара.

Джек склонив голову прихватил сверток старой простыни и исчез за портьерой.

Кот развалился в кресле с той медленной, тягучей небрежностью, что свойственна только большим хищникам на отдыхе. Веки опустились, только кончик хвоста совершал едва заметные метрономичные движения.

Первый проситель вошёл мелкими, суетливыми шагами — полностью напоминавший самого рядового кладовщика в старой, но когда-то хорошей робе. Руки сложены под грудью, будто грел их или молился. Остановился у входа, не решаясь шагнуть дальше.

Кот чуть наклонил голову набок, подпирая лапой, а второй лапой лениво качнул в воздухе, зазывая проходить.

— Крысы у нас. Зерно портят. Ловушки ставили, травы раскладывали — не берёт. Может, Маэль посмотрит?

Кот тяжело выдохнул. Глаза приоткрылись, но взгляд остался пустым, направленным куда-то сквозь.

— Крысоловов возьми и дыры заделай.

— Может, всё-таки Маэль...

Лапа лениво махнула в сторону выхода.

— Следующий.

Второй не отличался вкусом в одежде. Руки в грязи, вьевшейся в ладони. Переступил с ноги на ногу.

— Фонари тускло гореть стали. Третью ночь. Газ плохой пошёл. Начальник велел, чтобы вы Маэлю передали.

Кот выдохнул, не меняя позы.

— Форсунки прочисти. Или горелки смени.

— Но начальник сказал...

— Следующий.

Третий — старик, и вовсе был одет как нищий, но в чистой, не раз штопанной одежде. Вошёл твёрдо, с посохом. Остановился у самого кресла. Кот не открывал глаз.

— Курица перестала нестись. Третью неделю. Думаю, это знак. Может, Маэль объяснит?

Кот открыл глаза — медленно, почти лениво.

— А? Что? Мне показалось, я услышал такую глупость, что не сразу поверил.

— Я говорю, курица перестала...

— Зарежь эту курицу и свари суп. Съешь. И не ищи знаков там, где просто курица составила.

Рука вяло махнула в сторону выхода. Глаза снова закрылись. Старик открыл рот, закрыл, развернулся и вышел.

Кот потёр переносицу лапой и крикнул:

— Джек! Пригласи пару на сеанс. И будь добр чаю.

На пороге уютной комнаты стояла молодая пара. Они выглядели уставшими, глаза искали поддержки и понимания. В комнате царила тишина, нарушаемая только тихим потрескиванием камина и мягким шорохом занавески на окне. Вежливым жестом их пригласили присесть.

Низким тембром, совершая плавные покачивания в такт словам, начала застывшая туша:

— Есть ли на свете вопрос, на который нет ответа, но который стоит задавать каждый день?

Голос лился из кресла — низкий, обволакивающий, будто сам воздух начинал вибрировать. Девушка смотрела, не отрываясь на выросшего до размеров взрослого человека густого дымчатого мохнатого зверя, с мощными плечами и мускулами, что под густой шерстью перекачивались под кожей. На её лице застыло выражение, смесь заворожённости и почти животного страха.

Парень смотрел иначе. Его взгляд скользил по бокам, по спине. Лицо его побелело.

Кот замолчал. Только ухо дрогнуло. Девушка вздрогнула следом. Парень замер.

— И есть ли на свете человек, который ни разу не хотел стать кем-то другим? — Кот сделал небольшую паузу. — Что остаётся от человека, если убрать всё, что он боится показать?

Поднятая правая лапа остановилась. Девушка рассматривала её от мощного плеча до самых кончиков пальцев. Глаза её расширились. Парень просто смотрел на лапу, и на его лице не было ничего, кроме чистого, беспримесного изумления.

— Какой след оставляет человек в истории? Ведь каждый шаг, каждое действие может привести к катастрофе. Или стать мелкой рябью, что породит страшные волны.

Лапа медленно опустилась обратно. На мгновение из шерсти показались когти — и тут же исчезли. Девушка прижала ладонь к губам. Парень не шевелился.

Кот открыл глаза.

Зелёная радужка с чёрным провалом зрачка смотрела прямо перед собой. Сквозь них. Девушка застыла. Парень сглотнул — кадык дёрнулся на тонкой шее.

— Несколько лет назад мне посчастливилось прикоснуться к этому. Тогда я решил обновить свой гардероб и сходить в всем известный бутик модной одежды «Эра Люкса». Я осторожно, оглядываясь, продвигался между витринами, и на входе меня ловит хозяин магазина одежды:

— Посмотрите, какие у нас отличные плащи, туники, тога, понтоны, паладии! Эти хитоны — просто мечта! А у нас есть такие мягкие паллии, что в любую погоду можно заснуть с уютом!

Так продолжается длительное время. Я обошёл с ним каждый угол магазина и никак не мог от него избавиться. У меня кончалось терпение. Я уже не выдержал и подумал, что мне нужно его лишь отвлечь и ускользнуть. И тут вдруг из меня вырвалось:

— Кажется, кто-то пытается что-то украсть...

Хозяин Эра Люкс:

— Что? Нет-нет! Мне срочно нужно отлучиться за новыми товарами. Простите, я скоро вернусь!

Я мечусь взглядом и быстро ухожу в тень. И вот, среди этого хаоса, ко мне приходит ясное и горькое осознание: я не справлюсь в одиночку. Именно в эту секунду первый раз в жизни встречаю Джека — парня, которого вы встретили. Увидев его, я не смог сдержаться и тут же, сломя голову, бросился к нему с мольбами о помощи.

— Помогите мне, пожалуйста! Хозяин бутика Эра Люкса уже замучил меня своей болтовнёй. Я хочу, чтобы он от меня отвязался. Давайте притворимся, что уже давно болтаем. Может, он не заметит. Сможете подыграть мне?

Джек кивает. Затем появляется хозяин бутика, весь такой строгий и злой. Пристально осмотрев меня и Джека, начал:

— По вашему слову я задержал всех посетителей, всех допросил, некоторые даже пытались оказать сопротивление при обыске. У тётушки Даяны чуть не отказало сердце — еле откачали. Как оказалось, все вещи в наличии. Касса тоже в порядке. Мне доложили, что никто ничего не крал. Вы не желаете объясниться? Чем вы тут занимаетесь?

Я, выжимая из себя каждое слово, сказал:
— Я... Рассказывал... Посетителю... Шутку...

И локтем тыкаю на Джека.

— Да! Всё верно! — произнёс Джек, испуганно кивая головой.

И тут хозяин говорит:
— Шутку, значит? Расскажите-ка мне шутку!

Я не мог представить последствий. Не мог — даже в мыслях! — допустить, что всё зайдёт так далеко. Я выпалил первое, что пришло в голову.

— Да бросьте, это старая шутка. Она вам не понравится.

Хозяин Эра Люкс процедил сквозь зубы:
— Рассказывайте.

И я начал:
— Почему кот и...

В этот момент Джек как закричит мне в лицо:
— Ааааа!

От этого истошного стога я в ужасе перепугался, ничего не понял и продолжил историю:
— Крысолов не могут договориться, кто лучше охраняет дом? Потому что кот говорит:
Я — охрана уюта и...

И снова Джек начинает истошно кричать:
— Ааааа!

Все мои мысли спутались, и мне казалось, что это несомненный какой-то розыгрыш и меня проверяют на прочность, и я продолжил свою шутку:
— Тишины, а крысолов — Я — охрана двора и...

Джек:
— Ааааа!

Я неуверенно закончил:
— Безопасности.

Хозяин Эра Люкс смерил меня строго своим взглядом и закатился в истерику.

Надеюсь, вы будете внимательны в общении с Джеком: у него страшная реакция на букву «И», и если он услышит её, то начинает истошно кричать. Мы успешно боремся с этим, но ввиду тяжёлого характера работы не всегда имеем возможность достаточно отдыхать.

Кот приоткрыл глаза и окинул своим взглядом всё пространство, совершенно не задерживаясь на посетителях, а потом вновь их прикрыл.

— Единственное, что я понял за свою жизнь: ничто не существует просто так. У всего есть исток. У всего есть начало. Даже боги, что однажды породили всё, имели свою истину. А значит, и у любого вопроса обязательно найдётся ответ. Вопрос только в том, хватит ли терпения его искать.

— Также я хочу, чтобы вы знали, что находитесь в абсолютной безопасности. По утрам, как вам должно быть известно, меняется караул. Защитники цитадели, — его голос был ровным, без тени напряжения. — Я состою у них на службе. Должность у меня... связана с чем-то вроде контроля безопасности, детали уже стёрлись. Впрочем, суть проста: я провожу досмотр на наличие опасных веществ и заражений.

Он повернул голову, и его взгляд стал пристальным и тяжёлым, как свинец.

— Если что-то случится... — он лёгким движением когтя указал на потайную складку в стене, — вы укроетесь за этой шторой. Там — запасной выход, специальный путь для эвакуации пациентов. Он выведет вас в место, которое патруль контролирует постоянно. Я хочу вас заверить, что вы в полной безопасности.

— Итак, расскажите, что привело вас сюда, какие у вас проблемы?

На металлической площадке появился хрустальный сервиз, источающий чарующим ароматом ромашкового чая и идентичный этому мёд. И в этот момент Мари и Алекс, не проронив и слова, вежливо нелепыми кивками поблагодарили Джека за чай, и после недолгой паузы Джек удалился за штору. На взмах руки Кота первым начал Алекс:

— Ну, я... как бы... раньше всё было нормально, вроде. Она... — смущаясь, он начинает слегка заикаться, — она... была такой милой, хорошей. Мы с ней... ну, я думал, всё хорошо.

Кот:

— Понимаю. А потом что произошло?

Алекс:

— Ну, потом она... сначала было так: она вроде весёлая, всё так, как раньше. А потом — бах! — она стала холодной, тоже... иногда игнорировала, что я говорил, и... я сам не понимал, что у неё.

Кот:

— И у вас создавалось ощущение, что она меняется очень быстро, будто вообще другой человек?

Алекс:

— Да... точно. И я не мог понять, что я делаю не так. Я, честно... мне даже... страшно думать, что она вообще может уйти, и я даже не знаю, что делать.

Кот:

— А вы вообще пробовали поговорить с ней прямо, спросить, что происходит?

Задумавшись, Алекс, заикаясь, произнёс:

— Эээ... Я... я пытался, правда, но у меня — было заметно, как в его сердце вспыхнул страх и губами чуть бормочет — не получалось. Я всё время заикаюсь и... и не умею ясно объяснить. И я боюсь, что она просто меня не слушает.

Кот:

— Что вы предприняли?

Алекс:

— Я... я вот... еле-еле смог уговорить её — пауза, заикается — пойти... на семейную терапию. Сам очень боялся, что... всё это... ничего не изменится или... только станет хуже, понимаете?

Кот:

— Это очень больно скрывать свои чувства и бояться их проявлять. Но есть способ — постепенно учиться чаще говорить о них спокойно и искренне, даже если трудно.

Алекс глубоко вздохнул и, заикаясь, продолжил:

— Я хочу... я действительно хочу что-то изменить, но я не знаю, как... И мне страшно, очень.

Кот тяжело вздохнул, перевёл взгляд на Мари.

— Здравствуйте, Мари. Спасибо, что пришли. Я хотел бы сразу уточнить, что я понимаю ситуацию так: Алекс очень переживает по поводу ваших отношений, он чувствует, что возникают трудности, что есть некое напряжение, и, в целом, он опасается, что ситуация может ухудшиться. Правильно ли я понимаю, вам кажется, что это не так?

Мари, холодно, резко, с недоверием:

— Честно говоря, я считаю, что он просто преувеличивает. У нас всё отлично. Он — очень чувствительный человек, слишком заиклен на своих эмоциях, и всё это — из-за того, что он сам себе придумал.

Кот:

— Понимаю вашу точку зрения. Но сам Алекс говорит, что чувствует себя плохо, что его тревожит и тревожит ваше отношение.

Мари, скептически:

— Ну, он, наверное, просто хочет, чтобы я почувствовала за него вину. Мы — взрослые люди, и у нас всё стабильно. Он, конечно, немного эмоциональный, но я считаю, что все эти разговоры не имеют смысла.

Кот:

— Понимаю. А вы считаете, что в ваших отношениях всё хорошо и проблем нет?

Мари:

— Конечно. Всё у нас нормально. Такие истории — просто его воображение. Мы спокойно можем и сами разобраться, если что. Серьёзных конфликтов у нас не было, и я не вижу смысла тратить время на это.

Кот, внимательно, с лёгким напряжением в голосе задаёт следующий вопрос:

— Мари, если всё действительно так идеально, как вы говорите, почему тогда Алекс так сильно переживает? Почему его тревога не утихает, а наоборот — кажется, растёт с каждым разом?

Мари, смотря прямо в глаза, отвечает:

— Ну, вероятно, он слишком мнительный. Может, у него просто фантазии разыгрались. Или он переживает из-за своих внутренних проблем, а я тут ни при чём.

Кот кивает, затем продолжает:

— А вы сами когда-нибудь замечали, что ваше общение с Алексом становится напряжённым или холодным? Бывает ли так, что вы вдруг чувствуете, что вас что-то тревожит, даже если не говорите об этом вслух?

Мари чуть смущается, отвечает:

— Может быть, иногда. Но я так привыкла держать всё внутри, не показывать слабости. У нас всё прекрасно, и я не хочу на этом заикливаться.

Кот, мягко, но настойчиво:

— А что, по вашему мнению, означает слово «прекрасно» в ваших отношениях? Это постоянное спокойствие, или тут что-то ещё?

Мари, задумавшись, отвечает:

— Наверное, спокойствие. Но я считаю, что если в отношениях есть спокойствие — это и есть счастье.

Кот внимательно качает головой:

— А ведь внутри каждого человека есть так много чувств: страхи, сомнения, тревоги. Не кажется ли вам, что, возможно, ваши внутренние переживания и скрытые чувства — именно те, что мешают вам почувствовать настоящее счастье и открыть сердце?

Мари, хитро улыбаясь, говорит:

— Возможно, вы правы, но я привыкла не показывать свои эмоции, потому что считаю, что это не важно. Главное — знать, что всё стабильно.

Кот, чуть наклоняясь вперёд:

— Мари, а если я скажу, что иногда люди боятся показать свою слабость не потому, что им это не важно, а потому, что внутри есть боль, которой они не могут или не хотят поделиться? Что тогда для вас важнее: правда или иллюзия спокойствия?

Мари замолкает, немного растерянная. В этот момент в её взгляде появляется тень сомнения. А кот добавляет:

— Внутри каждого из нас — важный свет, и если его прятать, он угасает. Иногда лучше прислушаться к своему сердцу, пусть даже и страшно. Потому что без этого истинное счастье остаётся лишь иллюзией.

Между ними воцарилось неловкое молчание, которое первым решился разорвать Кот:

— А представь, что всё у тебя получилось — ты живёшь своей судьбой, ничто не мешает тебе. В какой-то прекрасный момент Мари становится популярной, её имя всё чаще звучит в мужских кругах. Обожествуемая множеством людей, Мари становилась спутницей многих мужчин. И красивых, и элегантных. Кавалеры, что ухаживали за ней, были известны свету. Только ни один из них не соглашался взять её в жёны, и она чувствовала себя всё более одинокой. В мире, полном людей, её сердце оставалось пустым и ищущим неподдельной связи. Она понимала, что за славой часто теряется самое важное — искренность и настоящие чувства.

Многочисленные мужчины говорили ей комплименты, восхищались её красотой и талантами. Но среди всех их слов ей всё чаще казалось, что она только изображает роль, которую ей навязали. Внутри она мечтала о простом спокойствии, о тихой любви, которой никогда не было очевидно в её суеде успеха.

Победа и популярность принесли ей временное облегчение, но также — ощущение нехватки. Она задавалась вопросом: «Что я оставлю после себя?» Ведь даже самый яркий свет со временем блекнет, а долгие ночи без сна напоминали, что истинное счастье не достигается славой или признанием, а чем-то более тихим и глубинным.

Твоей гордости хватит лишь на то, чтобы забеременеть и родить от него. И прославиться на весь мир. В твоей жизни появится множество мужчин, а имя твоего сына станет нарицательным — «сыночек шлюхи». Не понимаю, зачем так жестоко измываться над детьми, превращая их в жертв своей судьбы. А что до Алекса — представь, каким станет ему этот мир. Он — как был, так и останется никчёмным, только с новым оскорбительным прозвищем: «рогоносец».

Кот заметил, как Мари проронила слезу. Лицо Алекса было растерянным и на мгновение потерянным.

— Как давно вы ему изменяете? — спросил громко и холодно кот, надменно выдыхая.

Мари негромко проговорила:

— Уже год!

Лицо Алекса было смешанным и испуганным.

Кот хватается Алекса за одежду, немного поднимая его, словно встряхивая его вялое и усталое состояние. Аккуратно отпускает и поправляет ему одежду.

— Послушай меня, Алекс. Настоящий мужчина должен быть смелым и уверенным в себе. Он должен заступиться за свою избранницу в любой ситуации. Даже если знает, что она не права.

Алекс открыл рот, но Кот не дал ему заговорить.

— Мари — это лишь имя. Таких имён тысячи. И любая девушка — лишь показатель качества мужчины. Если она не счастлива с тобой — это не её вина. Это твоя.

— Но я...

— Ты — лишь крохотный зачаток настоящего мужчины, — перебил Кот. — Пока ты не вырастешь, все отношения будут причинять только боль. И в этом виноват ты сам.

Он отпустил Алекса и отступил на шаг.

— Но когда ты поймёшь, каким должен стать, ты согласишься в себя. Пройдёшь множество отношений. Кому-то потребуется десять. Кому-то — больше. А когда переродишься — тогда обретёшь истинную любовь. Того человека, который будет рядом.

Кот помолчал. Алекс смотрел в пол.

— Если она действительно хочет стать счастливой, она будет пытаться тебя изменить. Ради любви. А если ты безнадёжен — она состарится и не обретёт счастья. С тобой она каждый день как цветок увядает. Её мимолётная красота — это самое дорогое сокровище. Жизнь не лишит её любви. Она будет искать её на стороне.

Алекс опустил нос. Кот посмотрел на него и добавил тише:

— Попробуй представить себе жизнь, полностью лишённую любви. Мир бы не существовал. Как бы ты поступил на её месте? Давай, думай. Отвечай.

Кот опустил суровый взгляд на Мари. В один прыжок подхватывает бесчувственную женщину и аккуратно двигается к выходу из комнаты. В тот же миг подскочил Алекс и произнёс:

— Что произошло?

Кот на миг застыл перед роскошной портьерой, скрывавшей анфиладу комнат. Его голос прозвучал ровно, но сквозь спокойствие пробивалась сдерживаемая напряжённость:

— Алекс, выслушай меня. Мари изменяет тебе уже целый год. И полагаю, сейчас тебе стоит просто взять её и отвести отдохнуть.

Мари, не прекращая, до сих пор горько рыдает.

— Вам не следует торопиться с решением. — Горько отвернув свой взгляд, сказал кот и добавил: — Но я бы порекомендовал поторопиться.

Кот нырнул вместе с Мари за занавес. Из-за портьеры, приглушённый тяжёлой тканью, донёлся его голос:

— Как погляжу, ещё никто не пришёл?

Голос Джека ответил что-то неразборчивое.

— Не буду упускать такой шанс. Пойду позавтракаю, пока есть окно. А то совсем нет настроения работать на пустой желудок. — Пауза. — Джек, пригляди пока за Мари.

Шаги — мягкие, кошачьи — удалились куда-то вглубь.

— —

Кот вышел в коридор и увидел бегущего к нему служащего — тот размахивал руками, открывал рот, лицо было перекошено от отчаяния.

Кот зажмурился.

— Господин Кот! Господин Кот!

Шаги Кота стали быстрее. Камень под лапами — глухой, ровный, размеренный. Служащий топал следом, тяжело, сбивчиво, никак не мог нагнать.

— Господин Кот, ради всех богов, в казармах...

Дыхание — рваное, со свистом, запнулся, глухо стукнулся плечом о каменную стену.

— ...в казармах клопы завелись!

Лестница. Кот ступил на первую ступень, не глядя, нащупал край лапой, перенёс вес. Вторая. Третья. Ступени глухо отзывались под тяжестью его тела. Пальцы на лапах жадно цеплялись за перила, не открывая глаз.

— Клопы, господин Кот! Спать невозможно!

Лицо Кота передёрнулось. Бровь дрогнула, усы опустились — гримаса боли, которую он не мог сдержать.

Служащий пыхтел сзади, хватался за стену, его шаги были чаще, мельче, он никак не мог подстроиться под ритм Кота.

— Люди измотаны, того гляди в карауле заснут!

Четвёртая ступень. Пятая. Кот шёл, не сбавляя хода.

Каждое слово служащего врезалось в висок, и морда Кота кривилась всё сильнее — губы сжимались, ноздри раздувались, между бровей пролегла глубокая складка.

— Требуют, чтоб Маэль наслал мор на эту нечисть!

Шестая. Седьмая. Голос за спиной срывался на хрип, слова налезали друг на друга, тянулись, расплывались, как смола.

Восьмая.

Он ступил на площадку. Впереди — коридор, ровный, без ступеней. Кот пошёл быстрее, теперь уже не нащупывая, просто вперёд.

— Господин Кот! — голос сзади уже не поспевал, отставал, тонул в собственных выдохах.

Кот шёл. Слышал только свои шаги — тяжёлые, усталые, глухо шуршащие по камню.

Лицо его постепенно разглаживалось — бровь поднялась, усы расслабились, складка между бровями исчезла. Он остановился, дождался пока его нагонят и произнёс:

— Пусть бельё прокипятят. Щели в кроватях дёгтем помажут. И полыни насушат, в тряпицы завернут, под матрас положат.

Голос за спиной что-то забормотал — благодарность, слова тонули в дыхании, неразборчивые, растерянные. Шаги стихли. Служащий остался где-то позади.

— —

На него обрушился гул, смех, звон посуды, обрывки чужих фраз.

Сквозь этот шум пробился нежный женский голос:

— Доброе утро. Что пожелаете?

Кот приоткрыл глаза и увидел стройные, аккуратные ряды ассортимента. Свежая выпечка — пышные булки, посыпанные мукой, хлебные караваи с хрустящей коркой, слоёные пирожки, источающие маслянистый жар. Рыба — серебристая, выложенная на ледяную крошку, и рядом с ней — запечённые тушки, истекающие прозрачным соком. Мясные нарезки — тонкие ломтики копчёного окорока, свиные рёбрышки в медовой глазури. Сыры — от рассыпчатых белых до тёмно-жёлтых, с прожилками благородной плесени. Овощи — горками, яркие, будто только с грядки. И над всем этим — пар, ароматы, тепло.

Ноздри Кота дёрнулись и перед ним развернулась симфония столовой.

Хлеб — дрожжевой, спиртовой, с кисловатым привкусом перебродившей опары, которую сняли ровно в тот миг, когда она начала оседать. Рыба — жирная, с йодистым оттенком морской соли, впитавшейся в чешую ещё до того, как её выпотрошили, и теперь этот йод выжигало горячим маслом, оставляя на поверхности хрустящей корочки лёгкую, едва уловимую горечь. Масло — топлёное, молочное, с нотами ореха и карамели. Травяной настой — мята, ромашка, липовый цвет, всё это парило в кипятке, и пар нёс с собой терпкую, чуть вяжущую свежесть.

Кот задержал взгляд на рыбе. Одна из тушек была заметно крупнее остальных.

— Удачная поставка, — заметил он.

Женщина в белом фартуке проследила за его взглядом и расплылась в улыбке.

— Старина Хольгер постарался на славу. В последнее время вся продукция подтянулась — не только рыба стала крупнее, но и мука светлее...

— Маркуса, — быстро добавил Кот.

Женщина в белом кивнула.

— ...и птица крупнее...

— Бранна.

Женщина кивнула.

— ...а также грибы, там вообще второй урожай сняли за сезон.

— Орвига.

— Орвина.

— Точно. Вы правы.

— Ходит слух, что помогает им один талантливый парень. Совсем юный, а уже чинит конвейеры Маэля.

— Это хорошо, — сказал Кот.

— Нам очень повезло, — сказала она.

Кот одобрительно кивнул, ещё раз окинув ассортимент взглядом. Чуть поодаль он увидел одну единственную колбасу. Она была толстая, в натуральной оболочке, перевязанная бечёвкой, натёртая чесноком и перцем. Она лежала на отдельной доске, и рядом с ней — острый нож для нарезки.

Кот повёл носом и вдруг — удар.

Из-под чесночного облака, из-под дымной завесы копчения, пробился другой запах. Тяжёлый, сладковато-гнилостный. Так пахнет мёртвое, когда оно уже не просто умерло, а начало разлагаться. Сероводород — тухлое яйцо, но глубже, животное. Аммиачный оттенок разлагающегося белка. И под всем этим — едва уловимая нота серы, как будто где-то глубоко внутри колбасы шла своя, маленькая, беззвучная война.

Он перевёл взгляд на женщину в белом фартуке и колпаке. Она улыбалась, чуть склонив голову, готовая принять заказ.

— Будьте добры, вон ту рыбку, хлеб и чай, — произнёс Кот. — И мёд, если найдётся.

— Сию минуту.

Она потянулась за тарелкой.

— И ещё. Вон та колбаса, в дальнем ряду. Она испортилась.

Женщина замерла. Разносчица ахнула и выронила поднос — тот грохнулся на пол, кружки и тарелки покатались в разные стороны. Девушка бросилась их собирать, но руки дрожали, и она только размазывала лужицу пролитого чая.

По столовой прокатился шорох. «Колбаса испортилась...» — «...испортилась, он сказал...» — «...откуда он знает?...» — «...он даже не приняхивался...»

За крайним столиком парень с веснушками посмотрел на свою тарелку, где лежал ломоть колбасы, и побледнел. Его сосед перехватил его руку, не дав донести кусок до рта. Короткая борьба — и ломоть упал на стол. Оба уставились на него, как на ядовитую змею.

Старуха у окна решительно встала, взяла со своей тарелки нетронутый кусок колбасы, понюхала его, сморщилась и швырнула в помойное ведро с такой силой, что ведро покачнулось. Кто-то за соседним столом проводил её взглядом и сделал то же самое. Ещё один. Ещё. Ведро наполнилось колбасой с глухим стуком.

Сержант поднялся, обвёл взглядом своих солдат. Ни слова. Только взгляд. Солдаты, не сговариваясь, сдвинули тарелки с колбасой на край стола — чётко, слаженно, как по команде. Один за другим.

Мальчишка вдруг выплюнул недожёванный кусок прямо на пол. Пожилой солдат рядом с ним одобрительно крякнул и потрепал его по голове.

Кот услышал шаги. Двое. Тяжёлые, уверенные. Они приближались со стороны входа и, приблизившись, обернулись мужским голосом, с надрывом:

— Нам нужна ваша помощь!

И в тот же миг гул столовой осёкся. Разговор за ближним столиком оборвался, будто кто-то задул свечу. Звякнула и затихла ложка. Чей-то смех захлебнулся. В дальнем углу кто-то прошептал: «Это они... те самые...» — и тут же умолк. Тишина легла на плечи каждому, кто был в зале.

Кот повёл носом. Ноздри дрогнули, втянули воздух.

Первым пришёл запах тонкий, благородный — свежие цветы, не приторные, а сдержанные, как букет, поставленный в кабинете у человека, который не позволяет себе лишнего. Лаванда и что-то ещё — можжевельник? — сухое, строгое. Запах человека, который привык к порядку и не терпит грязи ни в одежде, ни в делах.

Второй запах ударил следом — тяжёлый, плотный. Пот, въевшийся в ткань туники за долгие часы на складах и в подвалах. Железная пыль — та, что оседает на коже после прикосновения к старым механизмам. И ещё — зерно. Сухое, тёплое, с оттенком пшеничной шелухи.

Кот обернулся и увидел двоих. Один — сухой, с цепким взглядом, в тёмном мундире без знаков отличия. Он двигался так, будто каждый шаг был пунктом протокола. Второй — грузный, с густыми бровями и красноватым лицом человека, который привык решать вопросы на ходу.

Их взгляд был вопрошающим, устремлённым прямо на Кота.

— Видимо, что-то серьёзное, если сам Министр хозяйства и Комендант безопасности пожаловали вместе, — произнёс Кот, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Серьёзное некуда, — ответил сухой. — Оборудование пропало. Со склада. Две единицы.

— Приборы точной механики, — добавил грузный. — Опечатаны, пронумерованы. Такие просто так не унести.

Кот не задержался на них ни на мгновение. Он окинул всё огромное, тёмное помещение столовой с её длинными деревянными столами, с тускло пытящими газовыми лампами на стенах, с тяжёлыми тенями, что лежали под скамьями. Столовая смотрела на него. Солдат с нашивкой сержанта замер, не донеся ложку до рта. Его сосед, молодой парень с веснушками, вцепился в край стола, побелевшие костяшки выдавали напряжение. Мастеровой забыл про миску — суп медленно стекал с ложки обратно в тарелку, а он этого не замечал. Разносчица прижала пустой поднос к груди, как ребёнка. Мальчишка лет двенадцати застыл с открытым ртом, и крошки хлеба сыпались с его губ. Старуха у окна приподнялась, опершись дрожащими руками о стол. Девушка с лентой в волосах обернулась и замерла, приоткрыв рот.

Кот взял поднос и направился в угол столовой. Двое двинулись следом.

Те, кто сидел ближе к проходу, отодвигались, давая дорогу. Но не все. Один — молодой, в потёртой тунике — остался сидеть, развернувшись на лавке так, чтобы лучше видеть. Он следил за Котом, чуть прищурившись, и что-то быстро царапал углём на клочке пергамента, прикрывая написанное ладонью.

Другой — пожилой, с лицом, изрезанным морщинами, — наоборот, встал и прижал руку к груди, низко поклонившись. Его сосед, не вставая, потянул себя за ухо и что-то зашептал, косясь на сухого в тёмном мундире.

Разносчица, уже подобравшая поднос, снова чуть не выронила его — на этот раз потому, что попятилась, давая дорогу, и споткнулась о чью-то вытянутую ногу. Кто-то прыснул. Кто-то шикнул.

За дальним столиком, у окна, было тише. Кот опустился на лавку, поставил поднос перед собой. Грузный тяжело сел напротив. Сухой остался стоять, но через мгновение тоже опустился на край лавки — сбоку, будто не хотел, чтобы его видели говорящим.

— Так, — произнёс Кот, беря вилку и нож. — Продолжайте.

Грузный подался вперёд. Локти на стол, пальцы сплелись в замок:

— Одну из пропавших единиц уже пытались продать. На чёрном рынке. Мои люди засекли. Продавец опознан.

За соседним столиком мастеровой выронил ложку. Она звякнула о край миски и упала на пол. Он даже не наклонился её поднять. Солдат с нашивкой сержанта поднял голову и посмотрел на сухого — долгим, тяжёлым взглядом.

Сухой продолжил — тише, но жёстче:

— Это вор. Тот самый, что сидит у меня в Трибунале. Две недели как за решёткой.

Женщина с ребёнком на руках вскочила и пересела на другую лавку, подальше. Её муж, оставшийся на месте, проводил её взглядом и медленно положил ладонь на рукоять ножа.

Парень с веснушками, тот самый, что выронил колбасу, вдруг встал и пересел поближе к компании — открыто, нахально, придвинув свою тарелку к соседнему столу. На него зашикали, но он только отмахнулся.

Кот отрезал кусок рыбы, отправил в рот, медленно прожевал.

— Сидит?

— Сидит, — отрезал сухой. — Я лично проверил. Камера заперта, печати целы.

Старуха у окна замерла со сложенными ладонями в молитве. Мастеровой наконец наклонился за ложкой, но не сводил глаз с троих за угловым столиком. Парень, царапавший заметки, вывел последнее слово и подчеркнул его двумя жирными линиями.

Грузный всплеснул руками:

— Но кто-то же продал! Свидетели есть! Они описали его в точности — рост, лицо, шрам на подбородке. Это он!

Парень с веснушками замер с открытым ртом. Девушка с лентой в волосах, не глядя, схватила за руку свою соседку и сжала так, что та ойкнула.

Разносчица, та самая, что уронила поднос, теперь стояла у стойки и не дышала. Поднос она так и не подняла.

Кот отпил чай. Поставил кружку. Принялся за хлеб.

— Конвой, — произнёс он. — Кто дежурил в ту ночь?

Сухой выпрямился:

— Трое. Я допрашивал каждого. Они помнят, что заступили на смену. Помнят, что сдали смену утром. А что было между — пусто.

Кот перестал жевать. Положил вилку. В наступившей тишине этот звук прозвучал как удар молотка по наковальне.

Солдат с нашивкой медленно поднялся. Не агрессивно — скорее, как встают на суде. Рядом с ним поднялся второй. Третий. Четверо солдат стояли плечом к плечу, глядя на сухого. Сержант положил руку на плечо мальчишки и притянул его ближе.

— Пусто?

— Как будто часть ночи вырезали из головы. Я не могу объяснить, как вор вышел из камеры и вернулся обратно, не сломав ни одной печати. Не могу объяснить, куда делось оборудование. И не могу объяснить, что с моими людьми.

Старуха со сложенными ладонями наконец поклонилась, прижала ладонь к губам и застыла. Кто-то в дальнем углу прошептал: «Колдовство...» — и осёкся. Парень с веснушками обхватил себя руками. Девушка с лентой уткнулась лицом в плечо соседки.

Кот доел рыбу. Промокнул усы салфеткой. Поднялся.

— И вы хотите, чтобы я с ним поговорил.

— Да, — выдохнул грузный. — С вором. И с конвоирами.

Парень, царапавший заметки, замер с углём в пальцах. Мальчишка, тот самый, что выплюнул колбасу, теперь сидел тихо и только переводил взгляд с Кота на министров и обратно. Солдаты всё ещё стояли.

Кот взял поднос, отнёс его к стойке. Двое поднялись и двинулись за ним. Разносчица посторонилась и наклонилась, подбирая с пола последнюю кружку. Старуха проводила их долгим взглядом и, когда они поравнялись с ней, тихо сказала: «Храни вас боги». Сухой чуть заметно кивнул.

Кот свернул в боковой коридор. Двое остановились в дверях ванной.

Он открыл воду, сполоснул лапы.

— Кто последним видел вора в камере до той ночи? — спросил он, беря щётку.

— Дневная смена. Я уточню имена.

— Уточните. — Кот обмакнул щётку в порошок и принялся чистить зубы. — И проверьте, кто из охраны имел доступ к печатям в ту неделю.

Грузный переглянулся с сухим. В зеркале их взгляды встретились.

— Думаете, это был кто-то из своих?

Кот прополоскал рот, выплюнул воду, вытер усы. Посмотрел на себя в зеркало.

— Я пока ничего не думаю. Но если конвоиры ничего не помнят — значит, кто-то сделал так, чтобы они не помнили. А для этого нужен доступ. К телу. Или к голове.

Он отложил щётку и двинулся обратно в зал. Двое шагали следом.

В зале снова стало тихо. Солдаты, всё ещё стоявшие, вытянулись. Сержант отдал честь — не по уставу, а как отдают честь старому другу. Мальчишка рядом с ним тоже поднёс ладонь

к виску. Парень с веснушками вскочил, опрокинув кружку. Парень с заметками поднял голову и встретился взглядом с сухим — и тут же отдернул глаза.

— И ещё, — произнёс Кот, проходя между столиками. — Вы говорили, свидетели опознали вора. Кто именно? Кто его видел на рынке?

— Перекупщик, — ответил грузный. — Старьёвщик с восточного базара. Мы взяли его, он показал на вора без колебаний.

— И вы уверены, что он не лжёт?

Грузный хотел ответить, но осёкся. Кот уже поднимался по лестнице.

Приёмная встретила их тишиной. Джек сидел за столом, выводя что-то на пергаменте. Рядом с ним стоял тот самый служащий, что прибежал с клопами — он открыл рот, но Джек едва заметно покачал головой, и служащий осёкся.

— Я на рынок и с министрами, — произнёс Кот. — Просители подождут. Сеансы перенеси на после обеда.

Джек склонил голову и сделал пометку на пергаменте.

— Если что-то срочное — ты знаешь, где меня искать.

— Да, — ответил Джек.

Кот обернулся к двоим.

— Заедем на рынок. Я хочу сам поговорить с этим перекупщиком.

Грузный кивнул. Сухой уже открывал дверь.

Кот взял с крюка у двери свою сумку — старую, кожаную, с потёртым ремешком — и перекинул через плечо. Двое двинулись за ним.

Служащий с клопами посторонился, вжимаясь в стену. Кот прошёл мимо, не глядя.

На улице их ждали. Пять человек. Кучер — пожилой, с седыми усами, в тяжёлом плаще — сидел на козлах, лениво перебирая вожжи. Четверо конных телохранителей выстроились по обе стороны от повозки. Кони всхрапывали, раздувая ноздри, но стояли смирно.

— Куда едем? — спросил кучер, не оборачиваясь.

— На рынок, — ответил сухой. — Восточный базар.

Телохранители переглянулись. Один — молодой, с выбивающимися из-под шлема светлыми волосами — чуть наклонился к своему соседу и что-то шепнул. Сосед пожал плечами.

Кот забрался в повозку первым. Грузный крякнул, подтянулся следом. Сухой сел напротив, прямой, как древко копья. Дверца захлопнулась. Кучер щёлкнул вожжами, и повозка тронулась.

Телохранители пристроились по бокам — двое спереди, двое сзади. Цокот копыт, скрип рессор, глухой стук колёс по брусчатке.

За окном поплыли серые стены Цитадели. Исполины уходили вверх, теряясь в дымке. По их жилам пробегала пульсирующая волна бледного свечения — ровная, ритмичная, как дыхание спящего зверя. Узкие улочки сменялись широкими проспектами. Кое-где горели газовые фонари — даже днём их не гасили, и голубое пламя дрожало под порывами ветра. Прохожие жались к стенам, уступая дорогу повозке с охраной. Кто-то кланялся, кто-то просто отворачивался.

Грузный откинулся на сиденье и посмотрел на Кота.

— Вы молчали всю дорогу от столовой. А теперь смотрите в окно так, будто уже всё поняли. Что вы думаете?

Кот перевёл взгляд от окна. Помолчал. Потом заговорил — негромко, но отчётливо, и каждое слово ложилось в такт стуку колёс.

— Вор сидит в камере. Печати целы. Это факт. Свидетели опознали его на рынке. Это тоже факт. Если оба факта верны, то на рынке был не вор. Некто, похожий на него. Имитатор.

Сухой чуть наклонил голову.

— Вы хотите сказать, что кто-то загримировался под вора, проник на склад и украл оборудование?

— Именно. Склад не секрет. Любой работяга знает, где что лежит. Имитатору достаточно было войти и взять. А чтобы отвести подозрения, он выбрал известного вора, только не учёл того факта, что тот на момент кражи окажется за решёткой.

Грузный нахмурился.

— А конвой?

— Конвой спал, — Кот пожал плечами. — Ночью все спят. Это естественно, а про пустоту лягнули, чтобы не получить выговор.

Сухой и грузный переглянулись. В повозке повисла пауза.

— Но как тогда вор оказался на рынке? — спросил грузный. — Свидетели же его видели.

— Не его. Имитатора. Того, кто на него похож. Свидетели видели знакомое лицо и указали на вора. Это естественная ошибка.

Сухой медленно кивнул.

— Логично.

— Теперь нам осталось это проверить или опровергнуть, и тогда всё станет известно, — сказал Кот.

Кот снова отвернулся к окну.

Повозка качнулась, сворачивая на широкий проспект. За окном показались первые ряды рыночных палаток. Пёстрые ткани, горы овощей, связки сушёной рыбы. Толпа густела. Крики торговцев пробивались сквозь стук колёс.

— Приехали, — сказал сухой.

Повозка остановилась. Телохранители спешили, занимая позиции по обе стороны. Кучер откинул дверцу.

Кот выбрался первым. Рынок обрушился на него запахами, криками, красками. Толпа расступалась перед охраной — нехотя, с любопытством оглядываясь на высокого серого Кота с сумкой через плечо.

— Где перекупщик? — спросил Кот.

— В конце ряда, — ответил грузный. — У него своя лавка.

— Тогда идёте. И по дороге, — Кот поправил ремешок сумки.

И он двинулся вглубь рынка. Телохранители сомкнули строй. Толпа текла мимо, бурля и перешёптываясь. Кто-то показывал пальцем на Кота. Кто-то цыкал на детей, чтобы не глазели.

Они подошли к лавке. Старая вывеска скрипела на ветру. Дверь была закрыта. Комендант остановился и едва заметным движением головы указал двоим телохранителям на дверь. Те переглянулись, шагнули вперёд и скрылись внутри.

Почти сразу из лавки донёсся шум. Что-то упало и покатилося по полу. Звон разбитой посуды. Торопливый, сбивчивый голос: «Вы кто? Что вам нужно? Я честный...» — и тут же глухой удар. Голос осёкся. Ещё удар. Ещё. Потом тишина.

Комендант выждал пару секунд и произнёс:

— Заходим.

И первым толкнул дверь.

Кот вошёл следом. Министр хозяйства шагнул за ним и остался стоять у двери, скрестив руки на груди. Его лицо было хмурым, но он молчал.

В лавке было темно и тесно. Один телохранитель держал перекупщика, заломив ему руки за спину. Лицо перекупщика было красным — то ли от страха, то ли от боли. На скуле наливался синяк. Из разбитой губы текла кровь.

Комендант остановился напротив. Перекупщик, увидев его, дёрнулся и открыл рот, чтобы что-то сказать. Второй телохранитель без замаха ударил его кулаком в живот. Глухой, влажный звук. Перекупщик хрипнул и обмяк.

Комендант чуть приоткрыл рот, обнажив зубы, словно желая что-то сказать, но ничего не говорил, пока телохранитель, заметив это, не схватил перекупщика за волосы и резко не задрал его голову вверх. Искажённое болью лицо — красное, с разбитой губой и слезящимися глазами — оказалось направлено прямо на Коменданта. Перекупщик дышал рвано, через рот.

— Кто пытался продать тебе оборудование? — произнёс Комендант ровно.

Перекупщик замешкался, и телохранитель снова ударил его в живот. Перекупщик сложился пополам, насколько позволял захват. Из горла вырвался сдавленный стон.

Кот шагнул к Коменданту и тронул его за плечо.

— На пару слов.

Комендант кивнул. Они вышли за дверь и остановились у стены лавки, под облезшей вывеской. Изнутри доносились глухие удары. Размеренные. Методичные. И тихие, сдавленные вскрики.

Кот заговорил почти беззвучно — одними губами, так, чтобы слышал только Комендант.

— Это обязательно?

Комендант посмотрел на него. Его лицо ничего не выражало.

— Служба требует. Иначе не говорят.

Новый удар. Крик оборвался на полуслове.

— И тянут время, — добавил Комендант. — Вы же знаете.

Кот помолчал. Из лавки донёсся сдавленный голос перекупщика:

— Я всё скажу! Всё! Пожалуйста...

Кот коротко кивнул и первым шагнул обратно в лавку.

Перекупщик уже не сопротивлялся. Он висел на руках телохранителя, голова опущена, дыхание рваное. Тот, что бил, вновь схватил его за волосы и ждал. Министр хозяйства по-прежнему стоял у двери и не проронил ни слова.

— Ещё раз, — произнёс Комендант. — Медленно и по порядку. Кто это был?

— Вор, — прохрипел перекупщик. — Тот самый, про которого все говорят. Шрам на подбородке. Рост — чуть выше меня. Одет в серое. Всё как обычно.

— Когда он пришёл?

— Прошлой ночью.

— Он принёс прибор?

— Да.

Комендант выпрямился и посмотрел на Кота. Кот шагнул вперёд. Один шаг. Не нависая. Не угрожая. Просто приблизился.

— В его поведении было что-нибудь странное? В голосе, в поведении? — спросил Кот.

Перекупщик перевёл на него взгляд. Его глаза на мгновение остекленели.

— Всё было странное. Он молчал. Вообще. Я ему: «Чего хочешь?» — молчит. Я ему цену назвал — молчит. Даже не кивнул. Я ему деньги в руку вложил — он взял и ушёл. Ни слова. Ни звука.

Перекупщик облизал разбитую губу.

— Я ему рукой перед лицом махнул — даже не моргнул. Глаза пустые. Как у мёртвой рыбы. Смотрит на тебя — и не видит.

Он сглотнул.

— И прибор тяжёлый. Я его еле поднял. А он держал руками, как пустой мешок. Поставил на прилавок — даже не крикнул. Я потом сам попробовал поднять — чуть спину не сорвал.

— Может, он силач? — спросил Министр хозяйства от двери.

— Да нет же! Я знаю этого вора. Он щуплый. Он мешок зерна с трудом таскает. А этот держал прибор, будто тот ничего не весил. Это был не он. Лицо — его. А тело — чужое.

Перекупщик замолчал. В лавке стало тихо.

— Я ему говорю: «Заходи ещё, если что будет», — а он развернулся и ушёл. Даже не моргнул. Как кукла. Будто сам не свой.

Кот смотрел на перекупщика. Потом медленно кивнул.

— Спасибо. Вы были полезны. Прошу прощения за беспокойство.

Перекупщик, осмелев, сплюнул кровью на пол.

— Полезен? Скажите спасибо, что я вообще с вами разговариваю! Я мог бы и промолчать. Я честный торговец. А вы врываетесь сюда с охраной, как к бандиту...

Один из телохранителей сделал шаг вперёд и молча положил руку на рукоять меча. Перекупщик осёкся. Посмотрел на эту руку, на спокойное лицо охранника.

— Прошу прощения, — тихо сказал он. — Я всё сказал. Всё, что знал.

Кот развернулся и вышел из лавки. Министры двинулись за ним. Телохранители отпустили перекупщика, и тот сполз на пол, хватая ртом воздух.

На улице, в рыночном шуме, Кот остановился и обернулся к министрам. Его лицо было спокойным. Но хвост хлестнул по бокам — раз, другой.

— Прошу прощения, — произнёс он, — но мне нужно купить несколько клубков шерсти.

Министр хозяйства захихикал, прикрывая улыбку ладонью.

— Клубки? Вам? — он покачал головой. — Простите, я не ожидал.

— Если не хотите бродить со мной по рынку, можете подождать в повозке, — добавил Кот.

Министры переглянулись. Комендант пожал плечами.

— Прогуляемся, — сказал он. — Заодно разомнём ноги.

Телохранители сомкнули строй, и они двинулись вглубь рынка. Толпа расступалась перед ними — кто-то кланялся, кто-то просто отходил в сторону, кто-то показывал пальцем и тут же отдёргивал руку.

Кот шёл, оглядывая прилавки. Кожа — дублёная, сыромятная, крашеная. Пряности — перец, корица, гвоздика. Сушёная рыба, связки чеснока, горы овощей. Клубков не было. Он прошёл мимо ряда с посудой, мимо обувной лавки, мимо торговца птицей — и ни одного мотка шерсти.

Кот прошёл ещё несколько шагов и остановился. Взгляд его скользнул по рядам с тканями, по горшкам с мёдом, по связкам сушёных трав. Всё было как обычно. Слишком обычно.

Он обернулся. Министр хозяйства чуть не натолкнулся на него.

— Что-то не так?

Кот посмотрел на него. Потом на Коменданта. Потом на телохранителей, которые ждали приказа.

— Я ошибся, — произнёс он тихо. — Мы не должны были сюда идти.

Министр хозяйства нахмурился.

— О чём вы?

Кот окинул взглядом толпу. Сотни лиц. Сотни рук.

— Перекупщик описал существо, которое молчит, не моргает, не чувствует веса. Оборудование у него. Цель, ради которой оно это украло, достигнута. Теперь его цель может быть любой. Мы не знаем, где оно. Мы не знаем, как оно выглядит сейчас. Мы не знаем, на что оно способно. А я привёл вас в толпу.

Он перевёл дыхание.

— Будь это обычный человек, охрана была бы в состоянии защитить вас. Но то, что держит тяжёлый прибор так небрежно и легко и не замечает взмаха перед лицом, способно порвать четверых на раз. Одним ударом он может вытащить кишки наружу. Я не смогу его остановить. Никто из нас не сможет.

Министр хозяйства перестал улыбаться. Комендант положил руку на рукоять меча. Кот покачал головой.

— Меч не поможет. Клубки отменяются. Мы возвращаемся к повозке. Быстро, но без паники. Я прикрываю спину.

Телохранители кивнули и сомкнулись вокруг министров. Кот двинулся за ними, прикрывая тыл. Они пошли обратно через рынок — быстрее, чем шли сюда. Толпа расступалась. Кто-то кланялся, кто-то провожал взглядом.

Кот шёл, и его голова дёргалась из стороны в сторону. Шаг — взгляд влево. Шаг — взгляд вправо. Шаг — разворот через плечо. Он то пятился спиной вперёд, то разворачивался и упирался телом в спины телохранителей, идущих впереди. Те спотыкались, но не оборачивались.

Уши Кота вращались независимо друг от друга — одно ловило звуки справа, другое слева. Шерсть на загривке стояла дыбом. Хвост хлестал по бокам, задевая прохожих. Кто-то ойкнул. Кто-то отшатнулся.

Звякнула монета, упавшая на мостовую. Когти вышли из подушечек, развернувшись на звук и втянулись обратно.

Торговец выкрикнул цену. Кот метнулся в сторону, врезавшись плечом в телохранителя. Тот покачнулся, но устоял.

Ребёнок заплакал где-то в толпе и одна лапа зависла в воздухе. Она была поднята так секунду, две, три — и только потом опустил лапу обратно.

Он всматривался в лица. В каждое. В женщину с корзиной — в её расширенные глаза. В мужчину у прилавка — в его сжатые губы. В старика, что прижался к стене, — в его дрожащие пальцы. В мальчишку, что открыл рот, чтобы что-то сказать, но осёкся.

Лицо Кота перекошилось. Губы разошлись, обнажив клыки. Это не было угрозой. Это был животный оскал — гримаса, которую он не мог контролировать. Усы топорщились. Глаза расширились так, что зелёная радужка превратилась в тонкий ободок вокруг чёрного провала зрачка.

Он снова врезался в спину телохранителя. Тот обернулся — и отшатнулся, увидев морду Кота.

— Быстрее, — прохрипел Кот. Голос сорвался. Он сам не узнал свой голос.

Телохранители ускорили шаг. Министры почти бежали. Кот продолжал пятиться, оборачиваться, дёргаться на каждый звук.

И вдруг кто-то коснулся его лапы. Мягко. Почти невесомо.

Кот взвился в воздух, развернувшись в прыжке. Шерсть на загривке встала дыбом. Когти вышли из подушечек. Он приземлился на все четыре лапы, готовый рвать.

Перед ним стоял мальчишка лет семи. В одной руке он держал белый мел. Увидев Кота в боевой стойке, мальчишка замер. Его глаза наполнились ужасом. Мел выпал из пальцев.

— Я... я только... — пролепетал он.

Кот медленно выпрямился. Когти втянулись обратно. Он посмотрел на мальчишку, на мел. Потом на министров, которые обернулись на шум. Потом на телохранителей, которые уже схватились за оружие.

— В повозку, — произнёс он ровно. — Быстро.

Он наклонился, поднял мелок — короткий, сточенный — и измазал им свою ладонь. Затем плотно прижал её к тунике мальчишки, оставив огромный белый след от лапы. Тот просял, схватил мелок и бросился в толпу, не оглядываясь.

Кот отряхнул лапы и догнал группу у самой повозки. Трое молча залезли внутрь, а четверо осталось снаружи. Дверца захлопнулась.

И вдруг Министр хозяйства подался вперёд.

— Мы можем послать за клубками одного из телохранителей. Быстро, туда и обратно.

Кот перевёл взгляд от окна.

— Слишком опасно. Имитатор мог схватить его, подменить. Тогда он вернётся к нам уже не тем, кем был. Мы сами впустим врага в повозку.

Тишина стала плотнее. Телохранители переглянулись. Комендант медленно, очень медленно произнёс:

— А что, если один из них уже подменён?

В повозке стало холодно. Министр хозяйства замер. Телохранители уставились на Коменданта. Один из них — тот, что стоял ближе всех к дверце, — положил руку на меч, и все вздрогнули.

Кот посмотрел на Коменданта. Потом на телохранителей. Потом снова на Коменданта.

— Если бы он был подменён, — произнёс он ровно, — мы бы уже были мертвы. Он мог убить нас в любой момент. На рынке. В повозке. То, что мы живы, означает, что подмены не было.

Все выдохнули.

— Если только он не добивается какой-то другой цели, — добавил Кот.

И наступила тяжёлая тишина. Министр хозяйства сглотнул. Комендант стиснул челюсть. Телохранители замерли.

Кот выпрямился. Его хвост перестал качаться.

— Без паники, — произнёс он. — Не делайте поспешных решений. Сейчас главное — не навредить друг другу. Если кто-то сорвётся, пострадают все.

Он обвёл взглядом повозку.

— Я убеждён, что выход есть. Мы можем устроить опрос. Прямо здесь. Сейчас. Каждый ответит на вопрос. Что-то личное. Для своих. Так мы убедимся, что никто из присутствующих не в заговоре с имитатором и не является им.

Кот задумался на секунду, прикрыв глаза. И в эту секунду Комендант открыл дверь. Телохранители расступились. На обочине стоял мужик в потёртой тунике.

— Эй! — крикнул Комендант. — Ты! Да, ты!

Мужик вздрогнул и попятился.

— Знаешь, кто перед тобой? — Комендант ткнул пальцем в свою грудь, потом в Министра хозяйства. — Министры. Дело государственной важности. Сходи на рынок, купи три клубка шерсти. Получишь щедрое вознаграждение. Вопросы есть?

Мужик открыл рот. Закрыл. Посмотрел на повозку, на охрану, на Кота, чьи глаза светились из темноты.

— Н-нет, — выдавил он. — Какие вопросы. Три клубка. Шерсть. Сделаю.

— Отлично, — Комендант откинулся на сиденье. — Ждём.

Кот открыл глаза. Посмотрел на Коменданта. Хвост качнулся влево. Вправо.

— Государственной важности, — повторил он.

— А что? — Комендант пожал плечами. — Работает же. А вы пока проводите свой опрос.

Министр хозяйства подался вперёд.

— Может, пусть каждый ответит на вопросы, ответы на которые знаем только мы?

Кот покачал головой.

— Хотелось бы. Но память — это не лист пергамента, на котором напишешь и так остался на века. Она ненадёжна. Моменты путаются. Один подмечает то, что важно для него, другой не обратил бы на это внимания. Я не сомневаюсь, что найдутся такие вопросы, которые сделают первым подозреваемым меня, хотя на мне шерсть и лишь я могу управлять зрачками и когтями. Нет.

Комендант нахмурился.

— Может, каждого раздеть и осмотреть тело? Шрамы, родинки, татуировки, о которых знаем только мы.

Кот снова покачал головой.

— Слишком легко подделать. Если имитатор достаточно искусен, он мог подготовиться.

Он помолчал, глядя на телохранителей.

— Пусть каждый расскажет что-то о себе. Что-то личное. Не ответы на вопросы. Не факты. А история. Это поможет нам сблизиться. И это поможет легко вычислить самозванца.

Тот, что стоял у самой дверцы — широкоплечий, с тяжёлой челюстью и коротко стриженными тёмными волосами, — заговорил первым. Его ладони лежали на коленях, спина была прямой, взгляд устремлён в точку над плечом Коменданта.

— Грейн. Двадцать один год. Родился и вырос в старой Цитадели, на улице Сухарей, пятый этаж, квартира десять. Отец и мать трудились и трудятся на хлебопекарне. Сначала и мне сулили пойти по их стопам, но вакансия патрульного сулила больше средств. Спустя два года, с первой попытки, прошёл собеседование и стал телохранителем министров. После постройки новой Цитадели переселился. Теперь живу на улице Мельников, третий этаж, квартира четыре.

Он говорил ровно, без запинки. Только на последней фразе позволил себе короткий выдох — едва заметный.

Министр хозяйства подался вперёд.

— Сколько комнат?

— Две. Спальня и общая. Кухня совмещена с общей.

— Как звали отца?

— Орвин.

— Мать?

— Марта.

— Сколько сестёр?

— Одна. Старшая. Замужем, живёт на улице Ткачей.

Телохранитель, стоявший напротив первого, хмыкнул.

— Улица Ткачей? А какой там трактир на углу?

— «Три нитки», — ответил Грейн, не оборачиваясь. — Держит старуха Бекка. Пиво там дрянь, но дешёвое.

Спросивший ухмыльнулся и откинулся на повозку.

— Он знает. У Бекки пиво — хуже не придумаешь.

Самый молодой из охраны подался вперёд, глаза горели любопытством.

— А сколько зарабатываешь?

— В месяц — достаточно, чтобы содержать себя и помогать родителям. Точную сумму не назову, она меняется в зависимости от премий.

— А на что копишь? — не унимался молодой.

Грейн помолчал. Потом уголки его губ дрогнули.

— На свадьбу. Девушка ждёт.

Спросивший про трактир присвистнул. Четвёртый телохранитель, до сих пор молчавший, перевёл взгляд на Грейна и коротко кивнул — уважительно, по-мужски.

Кот поднял лапу.

— Достаточно. Такие подробности известны любому, кто проживает в Цитадели. Количество комнат в типовой квартире, имена родителей, уровень заработка телохранителя, трактир на углу — это не секрет. Имитатор мог подготовиться. Нужны другие вопросы.

Самый молодой из охраны вдруг выпалил:

— Какой длины у тебя... ну... ты понял.

Грейн даже не обернулся.

— Тринадцать.

Перед повозкой хмыкнули. Кто-то поперхнулся.

Телохранитель, спрашивавший про трактир, подался вперёд с ухмылкой.

— А у твоего отца?

— Не знаю, — ответил Грейн. — Не спрашивал.

Ухмылка сползла. Повисла тишина — секунда, другая, — и вдруг все разом выдохнули. Кто-то фыркнул. Кто-то закашлялся, пряча смех. Министр хозяйства отвернулся к окну, плечи его вздрагивали.

Кот поднял лапу. Смех стих.

— Это не доказательство. Длину можно узнать. У отца — не знать. Имитатор мог подготовиться. Нужны другие вопросы.

Кот помолчал. Его хвост качнулся влево. Вправо. Он посмотрел на Грейна, потом на Коменданта.

— Грейн. Вспомни момент, когда ты выделился перед Комендантом. Не на собеседовании. Не в отчёте. Что-то, что случилось только между вами. То, что знает он, и то, что знаешь ты. Если ты самозванец — ты мог выучить что угодно. Но Комендант не самозванец. И если он подтвердит твои слова, я поверю.

Грейн нахмурился. Остальные ждали. Потом уголки его губ дрогнули.

— Однажды я застрял в окне.

Министр хозяйства моргнул.

— В окне?

— В окне. Мы проверяли пустующее здание. Комендант приказал осмотреть второй этаж. Дверь заклинило. Я решил залезть через окно. Пролез наполовину — и застрял. Вот здесь, — он похлопал себя по поясу. — Ни туда, ни сюда. Висел и ругался.

— И что Комендант? — спросил молодой телохранитель.

— Стоял внизу и смотрел. Долго. Потом сказал: «Грейн, ты первый телохранитель в истории Цитадели, который не смог пройти в окно».

Перед повозкой прыснули.

— А потом?

— Потом он велел меня вытащить. Тал дёргал за ноги, Бран держал раму. Я выпал, порвал тунику и уронил горшок с геранью. Комендант сказал: «За герань вычту из жалования». И вычел.

Кот посмотрел на Коменданта. Тот сидел неподвижно. Потом уголки его губ дрогнули.

— Герань была три медяка, — произнёс он. — Я до сих пор не знаю, откуда она там взялась. Там вообще никто не жил.

Грейн пожал плечами.

— Я же говорил — пустое здание.

Комендант кивнул.

— Да. Это было. Герань. И туника. И ты висел в окне и ругался так, что слышали на соседней улице.

Он перевёл взгляд на Кота.

— Это он. Я помню.

Самый молодой из охраны выпрямился. Он был худощав, с выбивающимися из-под шлема светлыми волосами и веснушками на переносице. Его руки не висели спокойно — он то сцеплял пальцы, то разнимал их, то поправлял ремень.

— Эддар. Восемнадцать. С Рыночной площади. Отец торгует пряностями, мать — там же, помогает. Я самый младший из четверых. Когда построили новую Цитадель, мы переехали на улицу Пряностей — отец специально выбрал квартиру поближе к рынку. В охране недавно. В телохранителях первый месяц.

Он говорил быстрее Грейна, чуть сбивчиво, но без страха. Скорее — как человек, который хочет поскорее отстреляться.

Грейн, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— А у твоего отца какой размер?

Перед повозкой прыснули. Кто-то закашлялся. Министр хозяйства поперхнулся и замахал рукой.

Эддар на мгновение замер. Потом пожал плечами.

— Понятия не имею. Но судя по тому, что нас четверо, — работает отлично.

Перед повозкой взорвались смехом. Тал хлопнул себя по колену. Бран, до сих пор молчавший, уткнулся лицом в ладонь. Министр хозяйства смеялся, прикрывая рот рукой. Комендант не смеялся, но уголки его губ дрогнули.

Кот поднял лапу. Смех стих не сразу.

— Это не доказательство. Но это было хорошо.

Кот посмотрел на Эддара. Хвост качнулся влево. Вправо.

— Эддар. Тот же вопрос, что и Грейну. Вспомни момент, когда ты выделился перед Комендантом. Если он подтвердит — я поверю.

Эддар не задумался ни на секунду. Его лицо озарилось улыбкой.

— О! Это легко. Первый день в телохранителях. Я страшно гордился. Мне выдали форму, меч, всё как положено. Я должен был стоять у дверей зала совета. Смирно. Не шевелиться. И тут мимо проходит Комендант. Я решил отдать честь. Как положено. По уставу.

Он сделал паузу.

— И ударил себя рукой в ухо и отключился.

Тал поперхнулся. Грейн прикрыл глаза.

— В ухо? — переспросил Министр хозяйства.

— В ухо, — подтвердил Эддар. — Я так резко вскинул руку, что не рассчитал. Хрясь — прямо в ухо. В глазах потемнело, и я упал. Успел сказать: «Здоровья желаю!» — и удар. Очнулся на полу. Надо мной стоят Комендант и лекарь. Лекарь щупает мне пульс. Комендант говорит: «Эддар, ты первый телохранитель в истории Цитадели, который нокаутировал сам себя».

Перед повозкой застонали от смеха. Тал хлопал себя по колену. Бран трясся, прижимая ладонь ко рту. Министр хозяйства вытирал слёзы.

— А что лекарь? — спросил Грейн, не оборачиваясь.

— Лекарь сказал: «Сотрясение. Лёгкое. Но в историю ты уже вошёл».

Кот посмотрел на Коменданта. Тот сидел неподвижно. Потом произнёс:

— Я помню. Когда он упал, я подумал, что его убили. Подхожу — а он храпит.

— Я не храпел! — возмутился Эддар.

— Храпел, — подтвердил Комендант. — Лекарь сказал: «Это нервное».

Комендант перевёл взгляд на Кота.

— Это он. Я помню.

Следующим начал тот самый телохранитель, что спрашивал про трактир. Он стоял напротив Грейна. Был он жилистый, с коротким ёжиком светлых волос и сломанным носом — старым, криво сросшимся. Стоял развалившись, но глаза цепкие, внимательные.

— Тал. Двадцать шесть. Родился в старой Цитадели, на Цветочном переулке, дом четыре. После постройки новой переехал на улицу Кузнецов, второй этаж, квартира восемь. Отец — каменщик, мать — швея. В охрану пошёл, потому что старший брат служил. Брат вышел в отставку, я остался. Женат. Жена — Эльза, работает в пекарне. Двое детей. Мальчик — Грегор, шесть лет. Девочка — Лита, три года.

Он говорил спокойно, без запинки. Пальцы время от времени постукивали по ткани — то ли привычка, то ли остатки напряжения.

— Тал, тебе тот же вопрос, — сказал Кот.

Тал задумался — ненадолго, но заметно. Потом усмехнулся.

— Я однажды вырубил охрану Председателя.

Перед повозкой стало тихо. Эддар открыл рот. Грейн медленно повернул голову. Четвёртый, до сих пор молчавший, поднял глаза.

Кот посмотрел на Коменданта. Тот сидел неподвижно. Потом кивнул.

— Это он. Я помню.

— И всё? — спросил Министр хозяйства. — Дальше-то что?

Тал вздохнул.

— У Бастиона. Я шёл со смены. Вижу — трое здоровенных мужиков, одеты как разбойники, в рваных плащах, у одного меч на поясе. И они тащат какого-то старика в простой тунике к чёрному ходу. Я решил — похищение.

— И ты... — начал Эддар.

— Я бросился на них. Первому — в челюсть, он отключился. Второй схватился за меч, но я перехватил руку, вывернул, меч упал. Третий попытался меня обойти — я подсек его под колено и приложил головой о стену. Все трое лежат. Старик стоит и смотрит на меня. Я ему: «Вы в безопасности». А он мне просто: «Спасибо». И ушёл.

— Это как? — спросил Министр хозяйства.

— Я даже не понял, кто это был. Думал — какой-то торговец. Пошёл домой, лёг спать. А на следующий день меня вызывает Комендант. Я прихожу, а он стоит и цокает языком. Просто цокает. Долго. Минуту. Две. Я уже мысленно попрощался с работой.

— А потом?

— Потом он говорит: «Тал, ты вчера спас Председателя Государственного Совета. И заодно вырубил его личную охрану. Охрана в лазарете. Председатель хочет видеть тебя». Я стоял и не знал, что сказать. Комендант продолжал цокать. Я спросил: «Меня уволят?» Он сказал: «Не знаю».

Тал перевёл дыхание.

— Сутки я не спал. У меня, тогда как раз родился второй — дочь. Жена лежала с младенцем, а тут я, герой, вырубивший охрану главы государства. Жена отчитывала меня, мать отчитывала, отец пытался успокоить, но у него плохо получалось. Все говорили: «Ты с ума сошёл? У тебя дети!» Я не знал, что думать. На следующий день приехал Председатель. Сам. С теми самыми телохранителями. Они стояли с синяками и смотрели на меня без любви. Председатель сказал: «Тал, я ценю твою смелость. Моя гвардия будет рада тебе». Я попросил время подумать. Дома мне сказали: «Это очень опасно». Жена плакала. Мать молчала, и это было страшнее крика. Отец сказал: «Решай сам». Я решил. Отказался.

Эддар всплеснул руками.

— Глупец! Ты и сейчас телохранитель. Только за меньшую зарплату.

Тал пожал плечами.

— Зато я жив. И жена не плачет.

Кот посмотрел на Тала.

— Это его жизнь, — произнёс он. — Пусть сам решает.

Четвёртый, до сих пор молчавший — плечистый, с тяжёлыми руками, сложенными на груди. Лицо — широкое, с глубокой складкой между бровей и старым шрамом, пересекающим левую бровь. Он смотрел в пол.

— Бран, — произнёс Комендант.

Тот поднял голову. Помолчал. Потом заговорил — глухо, медленно, будто слова давались ему с усилием.

— Бран. Тридцать два. С Прядильной улицы, второй дом от колодца. После постройки новой Цитадели не переезжал — мой дом вошёл в новую застройку, только этаж сменил. Теперь четвёртый. Отец — плотник, мать умерла родами. Работал на складе, потом перешёл в стражу. В телохранителях семь лет. Не женат. Детей нет. Живу один.

Он замолчал. В повозке стало тихо.

— Бран, тебе тот же вопрос, — сказал Кот.

Бран поднял голову. Помолчал. Потом заговорил — глухо, медленно.

— Я однажды перепутал адреса и привёз покойника в пекарню.

Перед повозкой грохнуло. Эддар схватился за голову. Грейн зажмурился. Тал хлопнул себя по колену. Министр хозяйства вытирал слёзы.

Кот посмотрел на Коменданта. Тот покачал головой.

— Не помню.

Бран вздохнул.

— Тогда второй случай. Я вызвал подкрепление на кошку.

Перед повозкой застонали. Эддар всхлипывал. Тал мотал головой. Грейн тихо смеялся, прикрывая рот рукой.

Кот снова посмотрел на Коменданта. Тот снова покачал головой.

— Не помню.

Бран нахмурился.

— Третий случай. Я арестовал собственного отца.

Перед повозкой взорвались смехом. Эддар хохотал, хлопая себя по колену. Грейн сполз по сиденью. Тал вытирал слёзы. Министр хозяйства смеялся в голос.

Кот посмотрел на Коменданта. Тот покачал головой.

— Не помню.

Бран выдохнул. И вдруг заговорил снова — тише, без прежней отстранённости.

— Я арестовал статую.

Кот посмотрел на Коменданта. Тот сидел неподвижно. Потом уголки его губ дрогнули.

— Вот это я помню. Статую видел.

— Это он, — добавил Комендант. — Я помню статую.

Телохранители расступились. На пороге стоял тот самый мужик в потёртой тунике — запыхавшийся, с тремя серыми клубками в руках.

— Вот, — выдохнул он. — Три клубка. Шерсть. Как просили.

Министр хозяйства отсчитал монеты и протянул ему. Мужик посмотрел на деньги, на министров, на Кота и попятился, кланяясь.

— Спасибо, господин. Если что — я всегда...

— Закрывай, — сказал Комендант.

Дверца захлопнулась. Кот взял клубки, осмотрел их и убрал в сумку.

Кот выпрямился. Его хвост перестал качаться.

— Отныне новое правило, — произнёс он. — Каждый, кто отлучался, пусть даже на минуту, по возвращении проходит проверку. Любой из вас. Любой из министров. Любой, кто приближается к нам.

Перед повозкой повисла тишина. Первым нарушил её Тал.

— То есть мне теперь перед каждой сменой рассказывать, как я вырубил охрану Председателя?

— Да, — ответил Кот.

— Каждый раз?

— Каждый раз.

Тал откинулся на повозку.

— Отлично. Просто отлично.

Эддар фыркнул. Грейн покачал головой. Бран посмотрел на Кота долгим взглядом и ничего не сказал. Министр хозяйства вздохнул.

— Это войдёт в привычку, — произнёс Кот. — Со временем.

— Как кандалы на статуе, — буркнул Эддар.

Перед повозкой засмеялись — негромко, с ноткой облегчения. Кот дождался, пока стихнет.

— Но даже этого недостаточно, — произнёс он. — Я не знаю, как проверить наверняка. Любой вопрос, который я могу задать, подразумевает ответ, который можно выучить. Любой момент, который вы вспомнили, вы могли рассказать имитатору сами. Даже если Комендант подтвердит ваши слова — это не доказательство. Потому что и он мог быть обманут.

В повозке снова стало тихо. Смех ушёл. Эддар опустил глаза. Грейн смотрел прямо перед собой. Тал замер. Бран поднял голову.

— Я наблюдал за вами. За тем, как вы отвечали. За тем, как вы молчали. За тем, как вы дышали. Я не нашёл ничего, что указывало бы на подмену. Но я не могу утверждать, что её

нет. Я могу только сказать: я не вижу здесь самозванца. И этого достаточно, чтобы доверять вам. Пока.

Грейн встретил его взгляд и кивнул.

— Пока, — повторил он.

Кот перевёл взгляд на Коменданта. Тот кивнул в ответ. Шерсть на загривке Кота медленно опустилась.

— По коням, — скомандовал Комендант.

Телохранители отлепились от повозки и двинулись к лошадям. Через минуту они уже сидели в сёдлах — по двое с каждой стороны. Кучер щёлкнул вожжами. Повозка тронулась. За окном поплыли серые стены. Трибунал был уже близко.

— —

Повозка катилась по брусчатке. За окном проплывали серые стены Цитадели — исполины уходили вверх, теряясь в дымке. По их жилам пробегала пульсирующая волна бледного свечения — ровная, ритмичная, как дыхание спящего зверя.

Внутри повозки молчали. Кот сидел, прикрыв глаза, и только кончик хвоста совершал едва заметные метрономичные движения. Комендант смотрел прямо перед собой — спина прямая, руки на коленях. Министр хозяйства откинулся на сиденье и вытирал лоб. Он, кажется, хотел что-то сказать, но передумал.

За окном мелькали редкие прохожие, прижимавшиеся к стенам при виде повозки с охраной. Газовые фонари горели даже днём — голубое пламя дрожало под порывами ветра. Где-то вдалеке кричали торговцы. Где-то лаяла собака.

Кони цокали копытами. Телохранители ехали молча — только Тал время от времени поправлял поводья, а Эддар что-то насвистывал себе под нос, но быстро умолкал под взглядом Грейна. Бран не шевелился.

Повозка свернула на широкий проспект, и впереди показались серые стены Трибунала. Узкие окна-бойницы, массивные ворота, окованные тёмным металлом. Над воротами — флаг Цитадели.

Повозка замедлила ход. Кучер натянул вожжи.

— Приехали, — произнёс Комендант.

Дверца распахнулась. За ней стояли двое стражников в тяжёлых доспехах. Они вытянулись по стойке смирно.

Кот взял сумку и первым вышел наружу.

Кот спустился с подножки и встал у повозки, дожидаясь остальных. Телохранители спешили, министры вышли. Все собрались у входа в Трибунал — семеро, не считая кучера, который остался на козлах.

— Никто не терялся из виду во время дороги? — спросил Кот, обводя взглядом группу.

— Нет, — ответил Грейн.

— Никто, — подтвердил Тал.

— Было что-нибудь подозрительное по пути?

— Ничего, — сказал Эддар. — Только собака лаяла. Но она всегда лает.

Бран промолчал. Комендант покачал головой. Министр хозяйства вытер лоб и тоже покачал головой.

— Хорошо, — произнёс Кот. — Тогда мы движемся в Трибунал. Допрашивать конвоиров и вора. Никому не терять друг друга из виду. Быть начеку. Мы не знаем, в кого мог загрироваться наш враг. Один его удар — и покойник.

Эддар сглотнул. Тал проверил меч. Грейн выпрямился. Бран, как всегда, ничего не сказал, но его взгляд стал тяжелее. Министр хозяйства перестал вытирать лоб. Комендант положил руку на рукоять.

— Вперёд, — сказал Кот и первым шагнул к воротам.

Тяжёлые створки разошлись. Кот переступил порог и повёл носом. Запах Трибунала — сырой камень, старый пергамент, металл, масло для ламп — висел в воздухе плотной завесой. Кот втянул воздух ещё раз, но ничего не сказал.

Коридор встретил их рабочим гулом. Где-то хлопнула дверь. Где-то звякнули ключи. У первой арки стоял молодой стражник. Увидев Коменданта, он вытянулся по стойке смирно и прижал ладонь к виску. Комендант кивнул, не сбавляя шага.

— Опять жуёт на посту, — заметил Тал, проходя мимо.

— Пусть жуёт, — отозвался Грейн. — Лишь бы не спал.

Дальше — лестница. Широкая, с вытертыми ступенями. По ней поднимался писарь с охапкой свитков — тот самый, что вечно всё теряет. Увидев Коменданта, он прижал свитки к груди и встал у стены. Комендант кивнул ему.

— Опять не подшито, — заметил Министр хозяйства, бросив взгляд на свитки.

— У него всегда не подшито, — ответил Комендант.

За одной из дверей кто-то кричал. Глухо, приглушённо. Министр хозяйства поморщился, но шага не сбавил. Тал поправил перевязь — привычным жестом. Бран даже не обернулся.

Ещё один коридор. Здесь стены были темнее — камень, пропитанный временем. Навстречу попались двое стражников с алебардами. Оба вытянулись, отдали честь. Комендант кивнул. Эддар, проходя мимо, едва заметно кивнул одному из них — они были знакомы.

Они свернули за угол и остановились перед массивной дверью. Табличка на ней гласила: «Допросная №1». Изнутри не доносилось ни звука.

— Здесь, — произнёс Комендант и толкнул дверь.

В допросной было тесно. Трое конвоиров уже стояли у стены — навтыжку, плечом к плечу. Форма мягкая, глаза красные, у одного щека со следом от подушки. Видно было, что их поднимали среди дня и не дали привести себя в порядок.

Кот вошёл последним. Телохранители встали у двери. Министр хозяйства пристроился у окна, сложив руки на груди.

Комендант шагнул вперёд.

— Докладывайте. Ночная смена. По порядку.

Первый конвоир откашлялся.

— Заступили. Проверили камеру. Все были на месте.

Кот повёл носом, а затем пошёл вдоль строя.

Конвоир продолжал:

— Каждые два часа обходили узников.

Кот остановился напротив первого конвоира и повёл носом. Ноздри дрогнули. Конвоир замер, не смея шевельнуться. Продолжил доклад второй конвоир:

— В один момент я заметил, как стою и смотрю на стену.

Остальные дружно закивали. Кот перешёл ко второму. Снова вдохнул. Конвоир смутился, но сделал вид, что не замечает его, и продолжил:

— Посмотрел — и уже рассвет. А промежуток времени между последним обходом и тем, как я очнулся, стоя перед стеной, ничего не помню.

Затем Кот подошёл к третьему. Тот втянул голову в плечи, когда огромная серая морда оказалась в нескольких дюймах от его шеи.

Комендант с лёгким раздражением спросил:

— А почему сразу не доложил?

Кот выпрямился, повернулся к Коменданту и едва заметным движением головы указал на дверь.

Конвоир, затрудняясь, начал мямлить:

— Я не придал этому...

Не дав ему закончить, они вышли в коридор. Кот прикрыл дверь за собой.

— Вы часом не отправляли их работать в канализацию? — спросил он негромко. — Всех троих?

— Нет... — растерявшись, ответил Комендант. — Вы думаете, это как-то связано?

— Я отвечу на все вопросы потом. Давайте послушаем, что они скажут на этот счёт, — призадумавшись, ответил Кот и, открыв дверь, направился в допросную. За ним следом, чуть растерявшись, шёл Комендант.

Кот вошёл и увидел, как до этого совершенно молчавший Министр хозяйства, по всей видимости почувствовав страх, отчитывал конвоиров:

— А если бы за этот промежуток времени вор убил бы кого-нибудь, жителей или ещё хуже — кого-нибудь из ваших родственников? Ты об этом не подумал?

Лица конвоиров были красные от стыда. Они смотрели в пол, а лицо Министра хозяйства, хоть и имело грубые черты, но его довольная ухмылка выдавала восторг от удавшейся речи.

— Я попрошу вас ответить на один вопрос, и вы свободны, — не выдержав неловкой паузы, сказал Кот. — Вы в последнее время не посещали канализацию? По своим нуждам или по службе?

Все трое почти в один голос:

— Нет.

— Хорошо. Тогда ещё один вопрос, — пристально всматриваясь в каждого, продолжил Кот. — Вы не принимали ванну с какими-то странными пахучими средствами?

— Нет, — также в один голос ответили они.

Кот кивнул Коменданту и добавил, поравнявшись с ним, еле слышно:

— Только не сильно отчитывайте их. Такой случай на моей памяти впервые. Сомневаюсь, что такой случай был учтён на инструктаже.

Комендант сначала кивнул, а затем и вовсе, разозлившись, покраснел. Кот вышел из допросной. Его слуху были доступны крики и ругань, которые не смолкали несколько минут. Затем вышел Комендант, сильно хлопнув дверью. Его лицо было красное, и капля вспененной

слюны висела у него на подбородке. Заметив Кота, он слегка растерялся, но затем, взяв себя в руки, вернул себе самообладание.

— Не важно, была ли подобная ситуация на инструктаже или нет, они должны быть готовы ко всему. А если чего не понимают или не знают, как поступить, обязательно должны доложить. Разве вы со мной не согласны?

— У вас здесь... — сказал Кот, указав себе на подбородок.

Пауза.

— Не будем терять время. Нужно опросить вора.

— Вы абсолютно правы, — разгорячённо произнёс Комендант, натирая подбородок.

Он рывком открыл дверь и криком скомандовал:

— Живо привести сюда вора!

Трое с красными лицами выбежали и скрылись за углом.

Повисло неловкое молчание. Комендант, явно недовольный случившимся, смотрел в стену, а Кот начал осматриваться, всё больше всматриваясь в каждую мелочь.

Первым неловкое молчание нарушил Кот. В один момент его тело замерло, и он произнёс:

— Они уже близко.

Кот открыл дверь, а за ним следом зашёл Комендант, который к тому моменту уже успокоился, и лицо его приняло обычный цвет.

— Теперь вор? — поинтересовался Министр хозяйства.

— Да, — сказал Кот. — Быстро его опросим и пойдём на обед. Думаю, за обедом поделюсь своими заключениями. И меня ждёт пациент.

Комендант хотел что-то сказать, но трое почти внесли, держа под руки, одного косматого, неопрятного, запуганного человека в кандалах и встали у него за спиной, придерживая его за руки, чтобы он не мог двигаться.

— Вы — Карсон, тридцать шесть лет, осуждённый за кражу химического оборудования, — холодно озвучил Комендант, глядя на пергамент. — Проживаете на улице Солёной, дом три, квартира восемь.

— Ну к чему все эти вопросы? Почему вы меня мучаете? Говорю же, не брал я ваших приборов точной механики! — изнемождённо возмутился косматый узник.

Кот повёл носом. Заключённый, заметив это, заговорил быстрее, почти без пауз:

— Да когда я успел бы? Я тут у вас под крылышком, на казённых харчах, сплю и отдыхаю. Меня тут всё устраивает. Да и химическое, как вы там сказали, мне и нужно было, чтобы вновь оказаться здесь. Тут я как дома. Не стоит меня выпускать без надобности, а то я кого-нибудь убью, чтобы и вовсе не выходить.

Министр хозяйства хмыкнул.

— Слишком комфортные условия создал Маэль. Один бездельник уже и страх потерял. Ему бы как следует рёбра пересчитать.

Вор дёрнулся в кандалах.

— Какие рёбра пересчитать, начальник? Это я сгоряча ляпнул, не подумав. Не брал я твоих приборов. Но если тебе так будет угодно, то брал. Сколько угодно. Три, десять. На твоё усмотрение.

— Да это безумие какое-то! — всплеснул руками Министр хозяйства.

Кот подошёл к вору. Тот замер. Огромная серая морда склонилась к его плечу, к шее, к волосам. Вор стоял, боясь дышать. Кот выпрямился.

— Когда ты успел в канализации побывать?

— В какой канализации? — вор вытаращил глаза. — Мне в канализацию без надобности. Да и вообще мне не по масти в параше ковыряться. Это ты путаешь, начальник!

Кот вздохнул. Он посмотрел на вора — долгим, тяжёлым взглядом.

— Скоро таких станет больше. Нужно что-то менять.

Он шагнул ближе. Вор вжал голову в плечи.

— Слышишь? Когда всё изменится, мы выбьем из тебя всю дурь. Лучше возьмишь за голову, пока не поздно.

Вор криво усмехнулся.

— Знаю я таких, как вы. Одно дело — говорить, а другое — делать...

Кот кивнул и, проходя мимо Коменданта, добавил:

— Вот в таком случае я не возражаю.

Он вышел в коридор. Дверь за ним закрылась. Из допросной донёсся шум — глухие удары, вскрики, звон кандалов о каменный пол.

Через минуту дверь открылась, и вышел Министр хозяйства. Он тяжело дышал, разминая пальцы. Довольный взглянул на Кота.

— По делам.

Кот ничего не ответил. Он смотрел в стену. Хвост медленно качался из стороны в сторону.

Чуть задержавшись, из допросной вышел Комендант. Он поправил мундир и посмотрел на Кота.

— Ничего. Выбьем из него всю дурь, будьте уверены.

Кот кивнул.

— Пойдёмте отобедаем. И я поделюсь своими соображениями.

Комендант кивнул в ответ и повернулся к телохранителям.

— Грейн, Тал — остаётесь здесь. Проследите, чтобы вора вернули в камеру. Эддар, Бран — с нами.

Телохранители переглянулись. Грейн кивнул. Тал вздохнул, но спорить не стал. Кот, Комендант и Министр хозяйства двинулись по коридору. Эддар и Бран шагали следом.

Они поднялись по лестнице, миновали арку, где давешний молодой стражник снова вытянулся по стойке смирно, и вышли в обеденный зал Трибунала. Здесь было просторнее, чем в столовой Цитадели, но воздух был тяжелее — камень, старый пергамент, металл.

Кот взял поднос, выбрал рыбу, хлеб и чай, и направился к дальнему столу у окна. Комендант и Министр хозяйства сели напротив. Эддар и Бран встали у дверей.

Кот отрезал кусок рыбы, отправил в рот, прожевал. Комендант и Министр хозяйства ждали.

— Итак, — произнёс он. — Мои соображения.

Он отпил чай, поставил кружку.

— Это Маэль.

Министр хозяйства поперхнулся. Комендант замер с вилкой в руке.

— Маэль? — переспросил Министр хозяйства. — Вы хотите сказать, что Маэль украл оборудование?

— Не украл, — Кот покачал головой. — Разыграл. Стирать воспоминания он умеет. В канализации, видимо, прятался, чтобы устроить розыгрыш. Ничего страшного не случилось. Оборудование вернётся. Конвоиры и вор придут в себя. Обычная шутка.

— Шутка? — Комендант нахмурился. — А сила? Перекупщик сказал, что вор держал тяжёлый прибор даже не напрягаясь.

— Маэль может поднимать предметы на расстоянии, — ответил Кот. — Силой мысли. Ему ничего не стоит заставить прибор висеть в воздухе. А вора он заставил делать вид, что тот его держит. Вот перекупщик и увидел шуплого человека, который держит тяжесть без усилий. Потому что он её и не держал.

Министр хозяйства откинулся на спинку стула. Комендант молча смотрел на Кота.

— Если бы за этим стоял настоящий злодей, овладевший такой силой, — продолжил Кот, — последствия были бы гораздо хуже. Мы бы нашли трупы. Или не нашли бы ничего. Маэль не злодей. Он просто... Маэль.

Он отпил ещё чая.

— Я поговорю с ним. Когда он вернётся. А пока — забудьте об этом деле. Оборудование найдётся. Конвоиры проспят. Вор останется в камере. Всё вернётся на свои места.

Комендант медленно кивнул. Министр хозяйства вытер лоб.

— Если вы так уверены...

— Уверен, — сказал Кот. — А теперь — мне пора. Меня ждёт пациент.

Он поднялся, взял сумку с клубками и направился к выходу.

У двери он обернулся.

— И ещё. Если я прав — Маэль где-то рядом. Возможно, он всё ещё в Цитадели. Если увидите его — не пугайтесь. Просто передайте, что я просил зайти.

Комендант кивнул. Кот вышел.

В коридоре Эддар догнал его.

— Господин Кот. Вы правда думаете, что это Маэль?

Кот помолчал. Хвост качнулся влево. Вправо.

— Это самое логичное объяснение, — произнёс он. — Либо задействованы другие могущественные силы, которых, впрочем, немало.

Не дождавшись, пока министры придут в себя, Кот спросил:

— Я одолжу вашу повозку, чтобы вернуться обратно. Как отвезёт — направлю его к вам.

Комендант, ещё не переваривший сказанное, медленно кивнул.

— Тогда желаю вам удачи, — бросил напоследок Кот и зашагал к выходу.

Повозка катилась. Небольшие прямоугольные плитки серой брусчатки проносились мимо, сливаясь в единый фон, мягко колыхая усы Кота в такт стуку колёс. За окном проплывали серые стены Цитадели. По их жилам прокатилась бледная одинокая вспышка, сузив зрачки и обнажив изумрудную радужку. Сумка сползла. Он не глядя переложил её на другое колено, и её коричневая кожа перелилась всеми цветами радуги под лучом света, играющим из окна. Три клубка выглядывали из-под мягких стенок, позволяя судить о скудном содержимом. В окне мелькнул редкий прохожий, завладел суровым взором Кота, скользнул по нему и тут же исчез, не оставшись в памяти. Порыв ветра ухватил частички пыли и грязи, коснулся голубого огонька, заставил его вздрогнуть, а затем взметнулся страшной силой и ворвался в повозку. Веко Кота дрогнуло. Далеко вдали крик торговца разорвал тишину, побуждая даже самого искущённого обратить на себя внимание, но Кот, не отвлекаясь от своих мыслей, лишь в знак уважения дёрнул ухом вслед. Залаляли крысоловы. Кучер щёлкнул вожжами, и хвост вторил им, планомерно качаясь в разные стороны. Повозка замедлила ход. Кот моргнул. Было заметно, как в его взгляд возвращалось внимание и вся замершая мимика на морде пришла в движение. Знакомое здание вынудило его поднять сумку и приготовиться выходить.

Выйдя из повозки, Кот махнул рукой кучеру и, проводив его взглядом, словно набираясь сил перед следующим шагом, тяжело выдохнул. Подойдя к массивной железной двери, ухватился за её ручку, резко дёрнул, вынудив беззвучно отъехать в сторону глухим скольжением. За ней зияла чернота. Воздух здесь был спёртым и пыльным, но тишина — после стука повозки — казалась оглушительной. Его освещало лишь тусклое сияние газовой лампы, привинченной к стене. Её голубоватое, неровное пламя копошилось за матовым стеклом, отбрасывая на стены дрожащие, неверные тени.

Света было едва достаточно, чтобы разглядеть огромные ворота из переплетённых металлических прутьев, рядом массивный рычаг, похожий на кость исполинского скелета, и где-то в стороне, уже на границе света и мрака, — начало ступеней, уходящих в непроглядную темноту.

И тогда через стены прокатилась пульсация исполина, заставив Кота исказить морду от боли и прикрыть глаза лапами.

Быстро придя в себя, он бросился к рычагу. Его пальцы впились в леденящий, отполированный временем металл. Он дёрнул.

На этот раз звук был низкий — глухой удар где-то в механизмах, будто сдвинули с места каменную глыбу, спавшую века.

И после удара из глубины шахты послышались щелчки, а через равные промежутки времени — тихий звон колокольчика.

Он стоял, прислушиваясь. Звон становился ближе, громче, пока не заставил дрогнуть решётку под лапами, заполнив собой всё пространство шахты. Механизм замер.

Кот, не раздумывая, раздвинул створки ворот и зашёл в огромную комнату, пахнущую машинным маслом.

С глухим лязгом он захлопнул створки. В давящей темноте было слышно только его прерывистое дыхание.

Когда зрение немного привыкло, он смог разглядеть на стене стройные ряды чёрных рычагов.

Кот поднял лапу. Его пальцы скользнули, отыскивая самый верхний, и он дёрнул за рычаг.

— —

Тёмный коридор, подсвеченный небольшими пятнами тусклого света и ослепительным лучом из окна. Холодный воздух отдал паром изо рта, вынуждая Кота чуть приподнять шерсть. Глухими шагами он подошёл к портьеру, что плотно прикрывала вход, не оставляя ни единой надежды заметить проход в этих страшных потёмках ночью — лишь едва заметный перекрытый тканью просвет, куда не доставал стелющийся по всем стенам свет из окна. Отбросив портьеру левой рукой, Кот вошёл в узкое помещение с огромным во всю стену окном на улицу. Первым его встречал большой лакированный, отполированный письменный дубовый стол с множеством выдвижных ящичков и сидящий за ним на деревянном стуле Джек. Спинка и сиденье стула были укрыты мягкими шерстяными подушечками.

— Джек, меня кто-нибудь искал?

Джек, словно ища нужный пергамент среди множества, что, словно карта, полностью укрывали его стол, как скатерть, зачитывал один пергамент в руке, а второй рукой бегал по строкам других пергаментов на столе.

— До обеда двое просителей, а также семейная пара, что пришла на сеанс. Просители обещали зайти в другой раз, а семейная пара сейчас отлучилась в туалет.

— Хорошо. Как объявятся, пусть проходят. А также будь добр чаю.

Джек быстро нашёл пальцем нужный пергамент на столе и без лишних движений пером что-то чиркнул, не глядя, ловко, и продолжил смотреть в пергаменты на столе.

Тепло умеренного камина ударило по его шерсти, получив откликом расслабление вздыбленной шерсти и ослабив напряжённые мышцы. А толстые окрашенные стены оставили пульсации за спиной. Он сделал несколько мягких движений, словно испытывая достаточный комфорт, и, медленно потягиваясь, двинулся в сторону кресла. Распластался на белоснежной простыне и чуть замурлыкал.

На мгновение расслабившись, он вдруг услышал странный звук приближающихся шагов. Две пары ног. Взрослого и ребёнка. Характерно издавали шум, доступный только Коту. Его уши дёрнулись машинально в сторону звука. И Кот глубоко вздохнул.

В помещение вошли отец и сын. Дерек — крупный, плечистый мужчина, привыкший к физическому труду, — сейчас выглядел растерянным и беспомощным. Его лицо пылало румянцем смущения. Рядом семенил сын-подросток, Ден, с нахмуренным, недовольным лицом, исподлбья бросая взгляды на отца.

Кот, не вставая, взмахом лапы указал на диван. Они молча опустились на него, и тягостную тишину первым нарушил хозяин дома.

Его бархатный голос пересказал знакомую сагу про бутик «Эра Люкс», свою должность и крики Джека.

В комнате, где всё ещё висел в воздухе ровный гул вступительной речи, наступила пауза. Кот перевёл взгляд с потолка на двух новых посетителей, сидевших на диване, и спросил тем же бесстрастным тоном.

— Я правильно понимаю, это ваш сын и у вас возникли трудности с воспитанием? — его голос был ровным и лишённым эмоций, как протокол.

Отец тяжело вздохнул, его пальцы сплелись в один напряжённый узел.

— Всё верно. Я работаю на ферме по полному циклу, круглогодичного производства картофеля. Днём я один за главного. Меня усердно обучали, и всё функционировало исправно... до поры. Потом начались поломки. Конвейер встаёт, а картошка не ждёт. Хорошо, что появился этот одарённый ребёнок. Но если такая возможность отсутствует, я вот уже сам раскидываю перегной, витамины, минералы. Если отказывает полив — таскаю эти чёртовы шланги. Токари и кузнецы новые детали вытачивают, а я в это время — и начальник, и грузчик, и слесарь. Зарплата хорошая, да. Но работа... выжимает всё.

Он умолк, глядя в пол.

— Жена, Лиза, санитарка в больнице. Приходит — и валится с ног. А на нас ещё и родители... И ему, — он кивнул на сына, — нужен тренер по плаванию... А он... начал прогуливать. И школу, и тренера. Всё на ветер.

Кот медленно перевёл свой холодный, немигающий взгляд на мальчика.

— Ясно. А теперь, Ден, — его голос стал тише и острее, — я правильно понимаю, ты считаешь, что отец уделяет тебе мало внимания? Чувствуешь себя брошенным?

Мальчик, словно сорвавшийся с цепи, взорвался надрывным, визгливым нытьём:

— Да он вообще ко мне не подходит! Целый день его нет, вечером приползёт и сразу на диван — ни поиграть, ни поговорить! А в школе... в школе из-за него все надо мной ржут! У всех нормальные сандалии, «Риверти-Рог», а у меня эти убогие! Я как посмешище! Он вообще хоть раз подумал обо мне, прежде чем вот это вот всё позорище покупать?!

Кот слушал, не шелохнувшись. Он смотрел на мальчика не как мудрец или утешитель, а как счетовод, сверяющий ведомость. В его взгляде не было ни капли снисхождения.

— Ты хочешь, чтобы отец с тобой играл? — голос Кота прозвучал, как удар свинцовой печати по пергаменту. — Чтобы спрашивал про твои дела? У него нет на это права.

— Почему?! — выкрикнул Ден.

— Потому что его дело — не играть. Его дело — обеспечивать картофелем цитадель. Чтобы у тебя было что покушать. Пока он работает — у тебя есть еда, крыша над головой

и право капризничать. Уйди он с работы на час поиграть с тобой — и твои капризы станут последними в твоей жизни.

Кот наклонил голову, и его глаза сузились до двух чёрных щелей.

— Ты думаешь, он тебе должен внимание? Ошибаешься. Это ты должен его молчаливой жертве каждый свой вздох. Ты не центр его вселенной. Ты — её результат. И если этот результат начнёт мешать работе механизма — его отправят на переплавку. Сурово? Зато честно.

Кот замолкает, и в тишине слышен его глубокий, протяжный вздох. Когда он снова начинает говорить, его голос теряет стальность и обретает мерный, почти ритуальный тон, словно он озвучивает древний, незыблемый закон.

— Пойми, Ден, смысл жизни человеческого рода — в этом бесконечном круге. Сейчас — твоё время быть ребёнком. Время твоего отца — обеспечивать безопасность каждой секунде твоего существования. Он работает, чтобы ты дышал, ел и рос. Он будет делать это до тех пор, пока ты не встанешь на ноги и не обзаведёшься собственными детьми. А когда это случится, его силы будут уже не те, здоровье не позволит тянуть прежнюю лямку. И тогда его долг, его новая работа — это следить за твоими детьми, пока ты, как он сейчас, будешь обеспечивать жизнь уже своих детей и своих постаревших родителей. Так заведено. В этом — порядок вещей.

Затем, не дав мальчику опомниться, Кот повернулся к отцу. Его взгляд сменился — в нём не было осуждения, но была тяжесть, сравнимая с весом целого мира.

— Думаешь, вырастил сына — и дело сделано? — спросил Кот, и его голос приобрёл иное, глубинное звучание. — Нет. Твой долг — не рожать. Твой долг — обеспечить выживание рода. Твой сын найдёт себе работу. Кто будет растить его детей? Жена? Одной не управиться. Значит, дети вырастут слабыми. Род прервётся. И вся твоя борьба, вся эта грязь и усталость окажутся бессмысленными.

Кот сделал паузу, позволяя каждому слову вонзиться в сознание.

— Ты хочешь отдыха? Ты его получишь. В могиле. А пока жив — твоя новая задача — внуки. Когда сын выйдет на работу, ты стоишь у колыбели. Это не блажь. Это — продолжение твоей работы. Не хочешь? Тогда зачем ты вообще всё это начинал?

Он замолчал, и в наступившей тишине его финальная фраза прозвучала как приговор и как откровение:

— Род — это не про то, чтобы взять. Это про то, чтобы отдавать. Отдавать, пока не умрёшь. И даже после — в памяти тех, кого уберёг.

Тишина в комнате повисла густая, осязаемая. Отец поднял голову. В его глазах уже не было растерянности — лишь тяжёлое, ясное понимание, будто ему вручили громадный и неудобный камень, который несёшь не потому, что лёгок, а потому, что иначе нельзя. Рядом на диване сидел Ден. Он перестал ныть и просто смотрел перед собой, задумавшись.

Минуто, другую. Прерывал молчание только тихий треск поленьев в камине.

Наконец, отец медленно поднялся с дивана. Он выпрямил уставшую спину, повернулся к Коту и, глядя куда-то в пространство у его плеча, не в силах выдержать прямой взгляд, низко и медленно склонил голову.

— Благодарю вас. За правду. Это... дорогого стоит.

Кот лишь молча кивнул, принимая дань как нечто само собой разумеющееся.

— Пойдём, Ден, — тихо сказал отец, уже поворачиваясь к выходу.

Мальчик послушно встал и, не поднимая глаз, пошёл за ним.

Кот проводил взглядом отца с сыном до портьеры. И, достав три серых мотка шерсти, которые он купил на рынке, положил их перед собой на столе. Он взял один, повертел в лапах, отложил. И скользнул за портьеру к окну.

— —

За стеклом слепящий свет накрывал широкие проспекты и серые стены Цитадели. По их жилам пробегала едва заметная волна.

Джек подошёл бесшумно. Встал рядом.

— Вам не даёт покоя сегодняшнее дело?

Кот не обернулся. Хвост медленно качнулся влево. Вправо.

— Я не знаю, что это было на самом деле, — произнёс он. — Но я не хотел наводить панику. Нужно больше улик.

— А министры?

— Поверили. Пока. Пусть спят спокойно.

Джек кивнул.

— А вы?

Кот помолчал.

— Я буду думать, — сказал он.

Глава 3. С ним лучше дружить

Утро начиналось не со света, а со звука. Не с пения птиц — их здесь давно не слышали — а с ровного, металлического гула, исходившего откуда-то из глубин жилого комплекса. Гул был едва уловим, но он висел в воздухе, как вибрация в стекле перед тем, как оно треснет. Он въедался в кости. Дети на площадке давно к нему привыкли, даже не замечали. Но он был. Как давление перед грозой, которое никогда не разражается, но и не отпускает.

Площадка перед многоэтажками сверкала холодной, неестественной чистотой. Качели с цепями из полированного сплава покачивались от ветра, отсвечивая тусклым солнцем, пробиравшимся сквозь вечную дымку. Горка из листовой стали была безупречно гладкой, на ней не было ни царапины, ни отпечатка руки. Казалось, дети здесь не катались, а лишь осторожно касались этих поверхностей, боясь оставить след. Даже песок в аккуратных песочницах лежал нетронутыми барханами, просеянный до однородной жёлтой пылицы.

На самой дальней лавочке, спиной к этому стерильному миру, сидела девочка. Дарси. Ей было девять, но движения её были мелкими и точными, как у часовщика. Она не играла. Палкой с отколотым концом она выводила на песке сложные, плотные узоры. Не цветы и не домики — а спирали. Одну внутри другой, бесконечно, пока палка не доходила до центра и не замирала. Потом она стирала рисунок ладонью и начинала снова. Её лицо было сосредоточенным и пустым одновременно.

Френки, самый старший, стоял у раскачивающихся качелей. Ему тринадцать, но взгляд у него был сорокалетнего. В руках он вертел маленькую, почерневшую шестерёнку.

Закки, десятилетний, с нервной подвижностью подростка, не мог усидеть на месте. Он не катался с горки, не качался. Он просто ходил — от песочницы к забору, от забора к лавочке — и его глаза постоянно, против его воли, возвращались к тёмному прямоугольнику двери подъезда с Красной дверью. Он делал вид, что смотрит на что-то другое, но все знали, на что он смотрит. Все дети площадки бросали туда свой робкий взгляд.

Именно в этот час, когда утренний гул достигал своей первой, едва заметной кульминации, на площадку ступил новый звук. Неритмичный, живой. Шаги.

Мальчик. Лет одиннадцати. Светловолосые волосы, слишком яркая зелёная туника, лицо, на котором ещё не стёрлось выражение робкого любопытства. Он остановился на краю идеального покрытия, огляделся и неуверенно улыбнулся.

— Эй! — голос его прозвучал неестественно громко в этой приглушённой реальности. — Я Тайрон. Мы вчера въехали в вон тот подъезд. Можно с вами?

Френки медленно поднял голову. Он не улыбнулся в ответ. Он оценил. Взглядом измерил расстояние от мальчика до подъезда. Его лицо осталось каменным.

— Зря вы сюда переехали.

Улыбка сползла с лица Тайрона.

— Почему? — он махнул рукой, пытаясь обнять весь этот блестящий, безжизненный мир. — Тут же круто!

— Здесь можно сдохнуть, — прошептал Закки, не глядя на новенького. Его взгляд, как намагниченный, снова прилип к двери.

И тогда, будто в ответ на это слово, скрипнула красная дверь.

Звук был сухим, чётким, как щелчок выключателя в тихой комнате. На пороге, отбрасывая длинную, резкую тень на бетон, стоял он.

Марк.

Он был высоким, чуть угловатым, как неловко собранный каркас. Одежда — простая, серая, но сидевшая на нём с неестественной, почти военной аккуратностью. Казалось, даже ветер боялся её помять. Он сделал несколько шагов, и замер. Его взгляд был направлен не на детей, а куда-то в пространство между горкой и песочницей, будто он читал там невидимые инструкции.

Рука Марка поднялась подзывая.

На лавочке Дарси вздрогнула всем телом, словно её ударили по спине. Палка выпала из её пальцев и застыла, воткнувшись в центр незаконченной спирали. Френки сжал шестерёнку в кулаке так, что почерневший металл впился в ладонь. Закки замер на полпути между качелями и забором, втянув голову в плечи.

Тайрон заметил испуганные лица и спросил без промедлений чуть сорвавшимся голосом:

— Кто это?

Френки выдохнул, не отрывая глаз от фигуры в дверном проёме. Его голос стал низким и плоским, лишённым всяких колебаний.

— Это Марк. С ним лучше дружить.

Ребята сделали первые робкие шаги как рука Марка указала пальцем на Тайрона, а затем сделала опять свой призывной жест.

Френки и Закки направились к Тайрону, Тайрон испуганно попятился назад, но ребята взяли новенького под руки. Их пальцы впились в ткань яркой туники не как руки сверстников, а как инструменты для фиксации.

— Эй, что вы? — Тайрон попытался выкрутиться, но их хватка уже стала железной. — Я не хочу...

Он не договорил.

Лица Френки и Закки исказились не злобой, а холодной, животной необходимостью. В их действиях не было злого умысла — только чёткое следование протоколу, от которого зависело что-то очень важное. Возможно, сама их тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.